

Ох, лето красное! А.С.Пушкин

Ж У Р Н А Л

№ 6 (38)

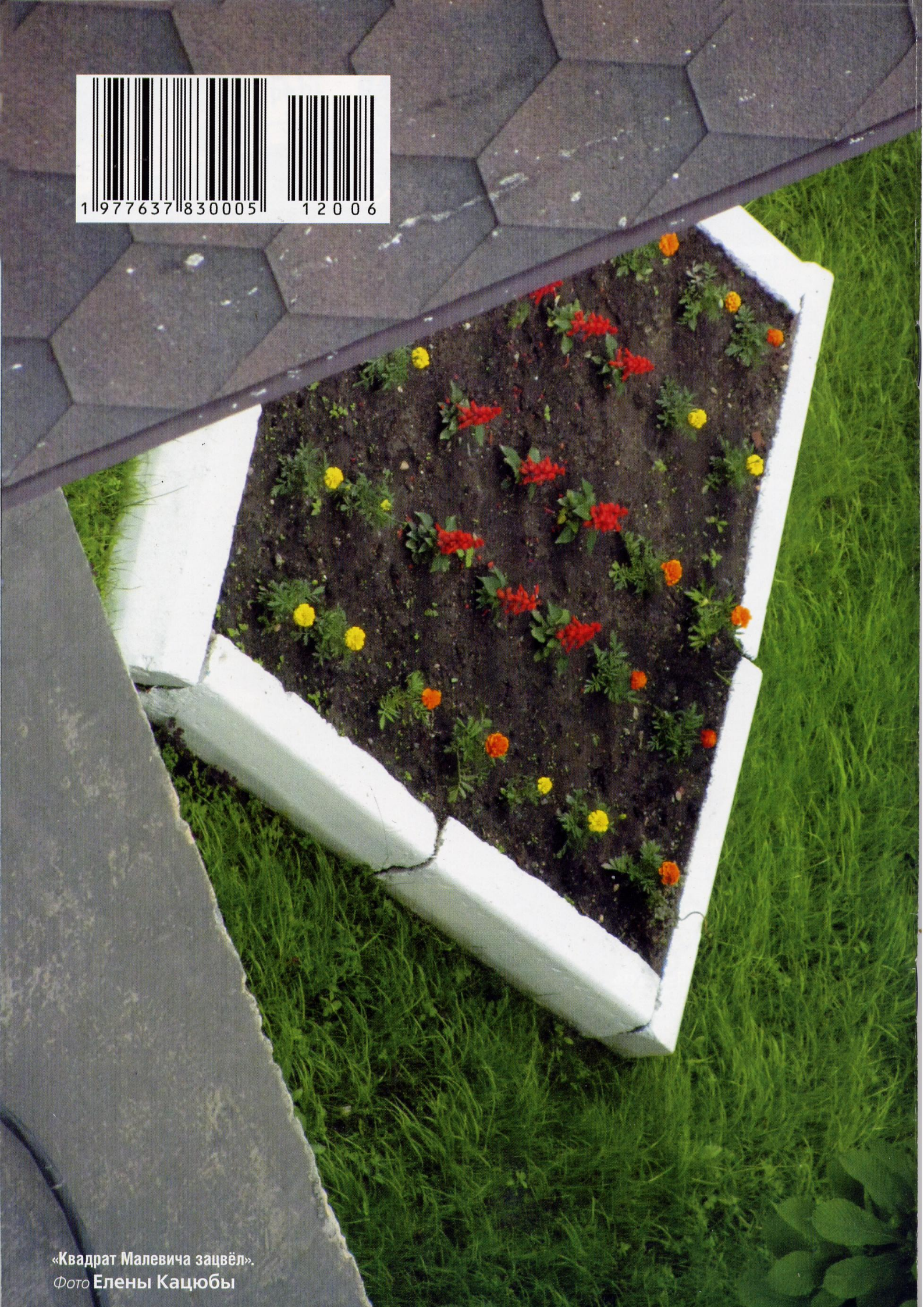
2012

ЭТО

Рисунок Галины Мальцевой

СВЕТОЗАВР

ДООС — добровольное общество охраны стрекоз

«Квадрат Малевича зацвёл».
Фото Елены Кацюбы

В древнерусском календаре месяц июнь назывался **изок**, что по-славянски означает кузнечик, в народных месяцесловах также – **светозар**.

Гаврила Державин

Кузнечик

Счастлив, золотой кузнечик,
Что в лесу куешь один!
На цветочный сев лужечик,
Пьешь с них мед, как господин;
Всем любуюся на воле,
Воспеваешь век ты свой;
Взглянешь лишь на что ты в поле,
Всем доволен, всё с тобой.
Земледельцев по соседству
Не обидишь ты ничем;
Ни к чьему не льнешь наследству.
Сам богат собою всем.
Песнопевец тепла лета!
Аполлона нежный сын!
Честный обитатель света,
Всеми музами любим!
Вдохновенный, гласом звонким
На земли ты знаменит,
Чтут живые и потомки:
Ты философ! ты пиит!
Чист в душе своей, не злобен,
Удивление ты нам:
О! едва ли не подобен,
Мой кузнечик, ты богам!

1802

Михайло Ломоносов

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкой травой
И наслаждаешься медвяною росой.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь;
Ты ангел во плоти, иль, лучше, ты бесплотен!
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен,
Что видишь, всё твое; везде в своем дому,
Не просишь ни о чем, не должен никому.

Лето 1761

Владислав Озеров

Кузнечик

Кузнечик ветренный, про стужу позабыв,
Все красны дни пропел среди веселых нив,
Как вдруг зима: не стало в поле крошки,
Ни червячков, ни мушечек, ни мошки,
Чем душу пропитать.
Пришлось умереть иль где взаймы искать.
Кузнечик к Муравью, ближайшему соседу,
Явился к самому обеду:
«Почтенный Муравей, премудрый сын земли,
Запаса твоего частичку удели!
Я уверяю клятвой,
Что с ростом всё отдам пред будущей жатвой!»
Но Муравей довольно всем знаком:
Великий скопидом,
Ни зернышка он даром не погубит,
Охотник собирать, а раздавать не любит.
«Да как же запастись ты в лето не успел?»
Спросил Кузнечика капиталист нечивый.
– «Я, малым быв счастливый,
И день и ночь напевы пел
Всем встречным
И поперечным,
Не чаяв летним дням конца».
– «Так ты, голубчик, пел? Пляши же голубца!»

1790-е годы

Июньские светозавры

2-3-4-5

Константин Кедров,
Кристина Зейтунян-Белоус

6

Сергей Бирюков

7

Елена Тахо-Годи,
Александр Городницкий

8

Елена Кацюба,
Данте Марианаччи

9

Тонино Гуэрра,
Иван Кононов

10

Ольга Адрова,
Марина Цветаева

11

Александр Пушкин

12

Маргарита Аль

13

Яна Павелковская,
Андрей Коровин

14-15-16-17

Кира Сапгир,
Наталья Медведева,
Булат Окуджава
Татьяна Зоммер

18

Владимир Монахов

19

Вадим Рабинович,
Рэна Одуванчик

20-21

Ирина Бессарабова,
Валентин Никитин

22

Галина Мальцева,
Александр Федулов

23

Татьяна Грауз,
Максим Маренков

24

Лидия Григорьева,
Валерий Брюсов

25-26-27-28-29-30

Валерий Байдин,
Яна Лиддл

31

Александр Лысенко

32

Феликс Гринберг,
Инна Богачинская

33

Виктор Клыков

34

Ирина Силецкая,
Александр Смирнов

35

Сергей Главацкий

36

Борис Лежен,
Александр Блок,
Вера Сажина

37

Кирилл Ковальджи,
Леся Тышковская,
Александр Бубнов

38-39

Виктор Ахломов

40

Александр Ойко,
Эва Касански

41-42-43

Лоренс Блинов,
Аркадий Перенов,
Ганна Шевченко

44

Тихон Чурилин,
Денис Безносков

45

Надежда Сарсадская,
Татьяна Виноградова

46

Курт Марти,
Полина Слуцкина

47

Марианна Кияновская,
Андрей Вознесенский

48

Надежда Агафонова,
Анатолий Кудрявицкий

49

Аглая Соловьева,
Феликс Филипп Ингольд,
Сьюзан Би

50

Вилли Мельников,
Марина Левина,
Илья Сельвинский

51

Герман Виноградов,
Анна Харитонова,
Игорь Ревякин

52

Евгений Степанов,
Марк Твен,
Виталий Кузнецов

53

Виктор Каржановский,
Антип Ушкин,
Яков Полонский

54

Рикошет – Дмитрий Смелов

55

Дмитрий Чирказов,
Татьяна Бонч-Осмоловская

Зайнька и Настасья

Константин Кедров
доктор философских наук
ДООС – стихозавр

Растерянно стрела летела
не задевая тела
летела вдаль стрела ночная
дробя осколки дня.
Я ни о чем не думал дольше
чем веер четырех сторон
растягивалось вдаль пространство
там я летел

Кому принадлежит сей остров
сия страна
Корабль распахнутый как поле
из ничего
он втиснут в кромку голубую
из этих фей
навешанных прохладой горькой
лугов стогов

Дарован бабочке небесной древесный
плот
она распахивает двери своих двух крыл
и вовлекая все пространство в свои слои
плывет та теневая фея из сдобных сот

Как голубь начинал ворклив
дробить свой звон
на самом дне всего пространства
мой сонный сын
Негеют голуби из грома древес
нас обнимают тамариски и ломота
холодного движенья
подрагивания листа на грани вод

Тот праздник сановных взоров
где я из огня воды
из космоса шлют тарелочки
в заоблачные сады
Там синеворот ворота открыл
а вот заарканив плоть
выныривает из гласных нот
всемирный зеленый конь

Не опрометчивым будь ты как
Не затемняйся где
Видимо око и зарев верх
в неотраженной воде
Ты из волны добывай волну

а из струны струну
Слишком родной тебе этот дом
и громогласный сад
трижды вычеркнутый из книг
но напечатанный по слогам
в поминальник или в букварь.
В конечном итоге ты только шрифт
рассыпанный по лугам
все состоит из себя во всем
будет луг твой как голубок

Улетая за облака
где нет твоих глаз
не надейся что улетишь
В каждом облаке расширен зрачок
достигающий двух криниц
Лесосплав или лесоповал полуслов
так уплыл этот плот
где не тонет нога
но зачем мне дана нагота
Был я лирником и мурлыкой
ограмура
отныне я в тесном не-сне живу
постоянно воспаляем
люблю
Два волкодава Заинька и Настасья
посуху плывут из грозы

Как королевич твой Сигизмунд
так и мой кротокоролевич Речь
гремя турнирами
входит в розовый будуар
а я нечаянно опрокинул коня
огибая твою линию
и еще один интимный изгибчик сзади
Я надеюсь что оба конника
благополучно доскачат вдаль,
но даже если не доскачат
им гарантирован самострел
таран
и уже совсем ненадежная центрифуга
отделяющая небо-масло
от земли-молока
Так думал я, входя в трухлявый пенёк
за что меня возненавидел
муравьиный род

обросший крыльями на время
пока тонул в трухе железный рыцарь
теряя латы, саблю и коня

Девчурочка-полотнянка
прочирикай и прославь
мои пламенные речи про твои нагие
грудки
от которых я устал
синий журавлик и золотой
дарят мне искренность и постоянство
Сколько бы я ни прожил в этом мире
я проживу дольше чем этот мир
Вылепил телом я звездную глыбу
где шестеренки лучей
тело мое высотой щекочит

из голубого огня
Обтекаю галактику селезенкой
я улиткой звездной вполз в себя
медленно волоча за собой
вихревую галактику
как ракушку
Звездный мой дом опустел без меня

Ты будешь больше солнца больше света
на волоске громадного себя
Ты не похож на гром луны
ты гололед вчерашних рам
луч громкого пространства
вчерашнее ничто
сегодняшнее окостенение
любоцвет
восточная отроковица
гнездышко бурь
Не надейся на светотень
на тень пролетевшей птицы
В водовороте огня-воды
сонный вол гладиолус
тот вертоград
где луны вытекающий глаз
и взгляд

слепо обводит горизонт
никогда вчера
Не проморгай троянскую плоть
не саблезубь в три горла коня
это заря овса утекла
и захрустела свежая мгла

Неужели вписали в криницы
костенеющий взгляд и зрачок
В полдень неба толчков и роды
Боже, обагри
Разве не плывет незабудка в златоткань
из нутра нутра
Открой мне дверь
ведь я колдун залетный, не тральщик
Неужели из нутряного ткачества не
вы ткать небо, сердечное солнце
золотую звезду Настасью

Тихое дыхание ажурных хоров
из незатаивающих листьев
Прощай отраженье
никогда еще не было ты так прозрачно
За день распадается время

На границе меж взлетом и взлетом
златорогая птица плывет
танцевальная плоть стрекозы
переливчата как стрекоза

Нет ни тела
ни даже того что вне тела
кроме грозных стрекоз
ускользающих в нас
оставляющих нас
под настилом из тала
ледящего звездного
жуткого нежного вихря
из тумана и полновоздушного ада любви
От обилия праха настил оседает
и над бездонным затоном
тонны неги туманной
нагой огнедышащей плотной
Тронным листным настилом
и лопнувшим солнцем
от недавнего гнета оторванных плеч
в лунной Сызрани
и прошлогоднем опале
Точильщик-точильщик
верстальщик и веретенщик
атман и атаман из резни лазури
выпестовал няню
надзирающую за прахом
охотницу на стрекоз
веретеницу зорь
точильщицу огневицу
ластоногую конницу
уносящую все-все на себе себя
в огнелицей буре
из платяного шкафа
наших и ненаших широт
Та мама моя велела –
не стынь на морозе
если облако впадает в неволе
Ладить надо кораблик ладить
Ведь эта ладья от того туда
в лад уплывшая лада
На разных оградах один железный узор
розы розы розы
заря из зорь

1983, Малеевка

Кристина Зейтунян-Белоус

ДООС

Париж, Франция

Стрекоза

Крест стрекозы над озером Онега, –
осколок хищного собора.
Зеркальный танец витражей.
В нем мира альфа и омега –
лишь отражение ветвей.

В кулак сжимая
гири тяжелых глаз,
стрекоза
острым стержнем брюшка
царапает облака
и выводит на небе
цепкой молитвы
незримые письма.

Муравей

Как сбежавший из повести знак препинания,
их расставил небрежно неведомый нам
графоман,
муравей по брусчатке ползет,
миниатюрная клякса судьбы, –
переросшая вдруг в троеточье.
Вопросительным знаком
он скорчится скоро под злым каблуком.
Но возможно его одного не удастся стереть
в коллективного разума пыль.

Кузнечик

Кузнечик лошадиным лбом
сшибает трав хрустящих бревна,
Кузнечик бос, – он говорит ногами.
И медленно стрижет тяжелых листьев пряди.
А глаз его так гладок, зреет в нем пунктир росы.

Сергей Бирюков

доктор культурологии
ДООС – заузавр
Галле, Германия

Неопределение бытия

бытие
опрокинуто
в быт
и Е
находится
вскорости
или
в скорости
и оно
опрокинуто
в ИЕ
и отколото
от быта
настолько
насколько
это возм
в этих усл
обры

Стрекоза на лбу Бретона

стрекоза ударилась
о лоб Бретона
кто был сражен:
стрекоза или Бретон?!

Что за вопрос,
это моветон!
Ни стрекоза,
ни Бретон!

Сражен Ман Рей,
верНЕЙ
он был поражен
схематизацией идей
не слишком ли прост

Компьютерная графика

Кристины Зейтунян-Белоус (Париж, Франция).

ответ и вопрос
стрекоза ударяет в лоб
Бретон как столб

но стрекозий глаз
отразил как раз
хотя не факт
что именно такт!

не означает
никогда
утром
не означает
меньше

(что ж, все вышесказанное
вероятностно!)

Запись на полях научконф

больше
не означает
меньше
бегом
не означает
легко
утром
не означает
никогда
больше
не означает
легко
бегом

Елена Тахо-Годи

доктор филологических наук

Пётр и Павел

«Пётр, Пётр! Где брат твой Авель?» –
Кричит душа после третьего отречения...

Но Пётр не Каин, Пётр – камень,
И брат его во Христе Павел
Ещё должен придти –
Овец Господних вместе пасти,
Венец терновый вместе нести,
Конец достойный вместе найти.

Пётр – разум, а страсть – то Павел.
Разум мятётся, сомнением ужален.
Страсть без сомнения стремится вперёд,
Страсть и слепого в Дамаск приведёт.

«Пётр, Пётр! Где брат твой Авель?» –
Кричит душа на пороге темницы...

Пётр, будь твердым, как Форуму камень,
Ветхий Завет мы искупим сторицей.
Бог являет граду и миру
Сегодня поистине новое чудо.
Разум ложится основою веры,
Страстной веры здесь и повсюду.
Разум и страсть цепью единой
Скованы ныне, вместе казнимы,
Страстною мукой крестятся вместе –
Вместе воскреснут прежде, чем трижды
Крикнет на форуме римский петел.
Твёрд будь отныне, как Форуму камень, –
Рим не Сион, но и тут есть Голгофа...

– Пётр, Пётр, я брат твой. – «Павел?» –
Пётр, Пётр, осталось недолго...

«Уж бедный мир, забыв свои страдания,
Затихнул весь, и только вдалеке
Кузнечик, маленький работник мироздания,
Все трудится, поет, не требуя вниманья,
—Один, на непонятном языке...»

Николай Заболоцкий, 1937

Александр Городницкий

Санкт-Петербург

Кукли

Не позабудет остров Кижь,
Его увидевший хоть раз.
Здесь день светлей, и небо ближе,
И холоднее, чем у нас.

Сырые ветры дуют с веста
У края северной земли.
Зыряне жили здесь и вепсы,
Пока славяне не пришли.

И вознесен Господней славой
Над миром горя и греха,
Здесь храм возник
 сорокоглавый, –
Серебряные лемеха.

Архитектурный гений места,
Неповторимый до сих пор.
Его рубить закончил Нестор
И бросил в озеро топор.

И славил Господа, понеже
Нет храма с этим наравне,
Ни на Двине, ни в Заонежье,
Ни в новгородской стороне.

И нет нагляднее примера
За все минувшие века,
Что может сделать Божья вера,
Когда в душе она крепка.

19.10.2011

Церковь возведена на месте старой, сгоревшей от удара молнии. Настоящие имена ее создателей неизвестны.

Фото Кристины
Зейтунян-Белоус

НЕ ВЕСОМ ОС определяется НЕВЕСОМОСТЬ

Ад ос. Ода

(хит с осой – осостих)

Себе нет осы в высоте небес,
не видок осы высоко дивен –
в осе были силы бесов.

Нет осам ума сотен,
у тел сил и взяв, язвили с лету.

Солистка – факт сил ос –

жуж-

ж-ж-ж-

ала,

жалила ж!

– Да где осоед гад?

– Леди, вон осоед. Где ос он – о! – видел,
согнал фланг ос.

Как ясли в аду делал еду, давился как –
как Ленин ел, кат:

«Я ел, аж жалея,

сор и жир ос».

Данте Марианаччи

Италия

Снежные вершины Мондзее

В снежных вершинах
над озером лунным Мондзее
аккорды короткие ветра
проносят улыбки химер.
Поездка мучительно длинная
из итальянской Пескары в Прагу
в компании мыслей моих и стихов,
разбросанных всюду в машине:
на передней панели, сиденьях, –
листки с дрожащими письменами,
рождёнными в дороге для новых дорог.

Другие герои

Страстная песня певца
о свече на ветру
сердце в волненье приводит
но всё же её не сравнить
с песней волшебной валторны
поэта античных времён,
жизнь посвятившего водам далеким,
открытию тайных миров.

Новые мифы, героев других
земля создала –
из компьютерных игр.

*Привел итальянских героев со снежных
вершин в поле русского языка по просьбе
автора Виктор Клыков (Вена, Австрия)*

Авторская билингва

Ю – Я*

*стих на итальянском и русском

*
l'inferno é
l'inferno
nel cuore
è vero!

*
АД –
зимний хлад
в сердце
ДА!

Сантарканджело-ди-Романья, Италия

Монастырь выстроен в форме ромашки. Каждая келья примыкает к центральной башне, образуя лепесток. Между одной и другой кельей в небольшом свободном пространстве башенной стены остается щель, прикрытая цветным стеклом. Когда солнце следует вокруг монастыря, в круглой центральной комнате преобладает цвет того окна, что дает направление солнечным лучам. Если свет голубой, значит полдень, если цвет оранжевый – уже время ужина, и так каждый час дня. Ночью луна заменяет солнце. Зимой или когда тучи закрывают небо, у братьев целыми днями нет меры времени, жизнь теряет распорядок, и это – счастье, особенно во время ночного пения. Кто встает слишком рано, кто слишком поздно, каждый поет сам по себе, раньше или позже других. И одиночные песнопения переполняют воздух до самой зари.

TERRA DI GUERRA

Мясная женщина Феллини, блудница, мать,
сестра, невеста,
То – Санджовеза, в ком – и горы, вино и кровь,
архангел в тоге,
То – Сант-Арканджело, где арка, как гребень рода
Малатеста,
Скрепляет средними веками витые локоны дороги.

А там, повыше: люди, птицы, стихи, картины, ноосфера,
Созвездья кисти Рафаэля, готовность к творческому бою,
Чтоб осилить Полифема, выходит со двора Гуэрра,
Шагает, чуть сутулясь, в гору. Тропой войны. С самим собою.

В долину угасших вулканов раз или два в столетье является пыльный ветер по имени Польвероне, что из нутра земли вздымает сухие составы и напролет три дня вылизывает дома и лица жителей языком по-кошачьи шершавым. И тогда случается вот что: дети не узнают родителей, жених – нареченных, старшие – младших, вместе ввергаясь в хаос первозданных чувств. Понемногу стихает ветер, всасываясь обратно в воронку кратера, и постепенно все обретают свои места. И никто не помнит те три дня, когда бушевал Польвероне.

«Вдыхаю мирный воздух:
прогудит шершень, мелькнет
дугой, шлепнувшись в конце
полета, кузнечик».

Тонино Гуэрра

Ольга Адрова
ДООС – рок-стрекоза

Лето

Магия белых штор:
Двери приотворив,
бары, кафе – в упор
гонят ее, как стих.
Иже еси, господь,
хоть и на небеси,
Летнее волшебство
в Библию занеси...

Сирень

Там мой храм, куличек муки –
Белый, золотой.
Там целуются от скуки
Голуби весной.
Там царевич полусонный,
Жалобный, как тень.
Спи, мой город, спи, бессонный, –
Зацветай, сирень...

Москва

Тот образ жизни полудачный –
В московском воздухе прозрачном.
Все здесь: о вечном, о случайном –
В московском воздухе печальном...

Ботиночки

Ботиночек один,
Ботиночек второй.
Я в них иду к тебе,
потом иду домой.
Все мысли о тебе,
когда снимаю мой
Ботиночек один,
Ботиночек второй.

Сочинение
ученицы 3^б класса
Адровой Али

Четвертое сентября.
Сочинение.
Летние каникулы.

Летом я поехала к бабушке в город
Ессентуки. Там я ходила в кино, в парк,
ездить на экскурсии в другие города:
Кисловодск, Пятигорск. Во время прогул-
ки по парку в Кисловодске я увидела
девушку, которая прыгала среди веток
сосны. Вдруг девушка быстро спустилась
с дерева и посмотрела на меня. Я дога-
далась, что девушка ходит убоженца.
Папа дал мне жареных семечек, и я
высыпала их на ладошку. Я присела
и протянула семечки девушке. Мне бы-
ло смешно и приятно смотреть на де-
вушку, как она ест семечки.

Вскоре мы: папа, мама и я поеха-
ли на Черное море, в город Тагры. Там
я купалась и загорала. Море мне
очень понравилось. С экскурсией мы по-

бывали на озере Рица. В городе Сочи
в парке Дендрарий, видели павлинов.
Когда мы вернулись в Ессентуки, мы
побывали на Замке, среди Снежных
Кавказских гор. На обратном пути
посетили Музей-Памятник Защит-
никам перевалов Кавказа.

5/5

«Жду кузнечика, считаю до ста,
Стебелек срываю и жую...
– Странно чувствовать так сильно и так
просто
Мимолетность жизни – и свою».

Марина Цветаева

Четыре июня ПО-пушкински

**Июнь – июль 1823 г. Кишинев – Одесса.
Неизвестной.**

(Черновое)

Не из дерзости пишу я вам, но я имел слабость признаться вам в смешной страсти и хочу объясниться откровенно. Не притворяйтесь, это было бы недостойно вас – кокетство было бы жестокостью, легкомысленной и, главное, совершенно бесполезной, – вашему гневу я также поверил бы не более – чем могу я вас оскорбить; я вас люблю с таким порывом нежности, с такой скромностью – даже ваша гордость не может быть задета. Будь у меня какие-либо надежды, я не стал бы ждать кануна вашего отъезда, чтобы открыть свои чувства. Припишите мое признание лишь восторженному состоянию, с которым я не мог более совладать, которое дошло до изнеможения. Я не прошу ни о чем, я сам не знаю, чего хочу, – тем не менее я вас...

(на французском)

**6 июня 1821 г. В Кишиневе.
К сведению г-на Дегильи,
бывшего французского офицера.**

Недостаточно быть трусом, нужно еще быть им в открытую.

Накануне паршивой дуэли на саблях не пишут на глазах у жены слезных посланий и завещания; не сочиняют нелепейших сказок для городских властей, чтобы избежать царапины; не компрометируют дважды своего секунданта.

Всё то, что случилось, я предвидел заранее и жалею, что не побился об заклад.

Теперь всё кончено, но берегитесь.

Примите уверение в чувствах, какие вы заслуживаете. Заметьте еще, что впредь в случае надобности, я сумею осуществить свои права русского дворянина, раз вы ничего не мыслите в правах дуэли.

(на французском)

**21 июня 1822 г.
Из Кишинева в Петербург.
А. А. Бестужеву**

Посылаю вам мои бессарабские бредни и желаю, чтоб они вам пригодились. Кланяйтесь от меня цензуре, старинной моей приятельнице; кажется, голубушка еще поумнела. Не понимаю, что могло встревожить ее целомудренность в моих элегических отрывках – однако должно нам настоять из одного честолюбия – отдаю их в полное ваше распоряжение. Предвижу препятствия в напечатании стихов к Овидию, но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа – по-видимому, ее настрашали моим именем; не называйте меня, а поднесите ей мои стихи под именем кого вам угодно... повторяю вам, она ужасно бестолкова, но впрочем довольно сговорчива. Главное дело в том, чтоб имя мое до нее не дошло.

Бессарабские бредни – стихотворения Пушкина «К Овидию» для альманаха Рыльева и Бестужева «Полярная звезда» было напечатано без подписи в «Полярной звезде» в 1823 г.

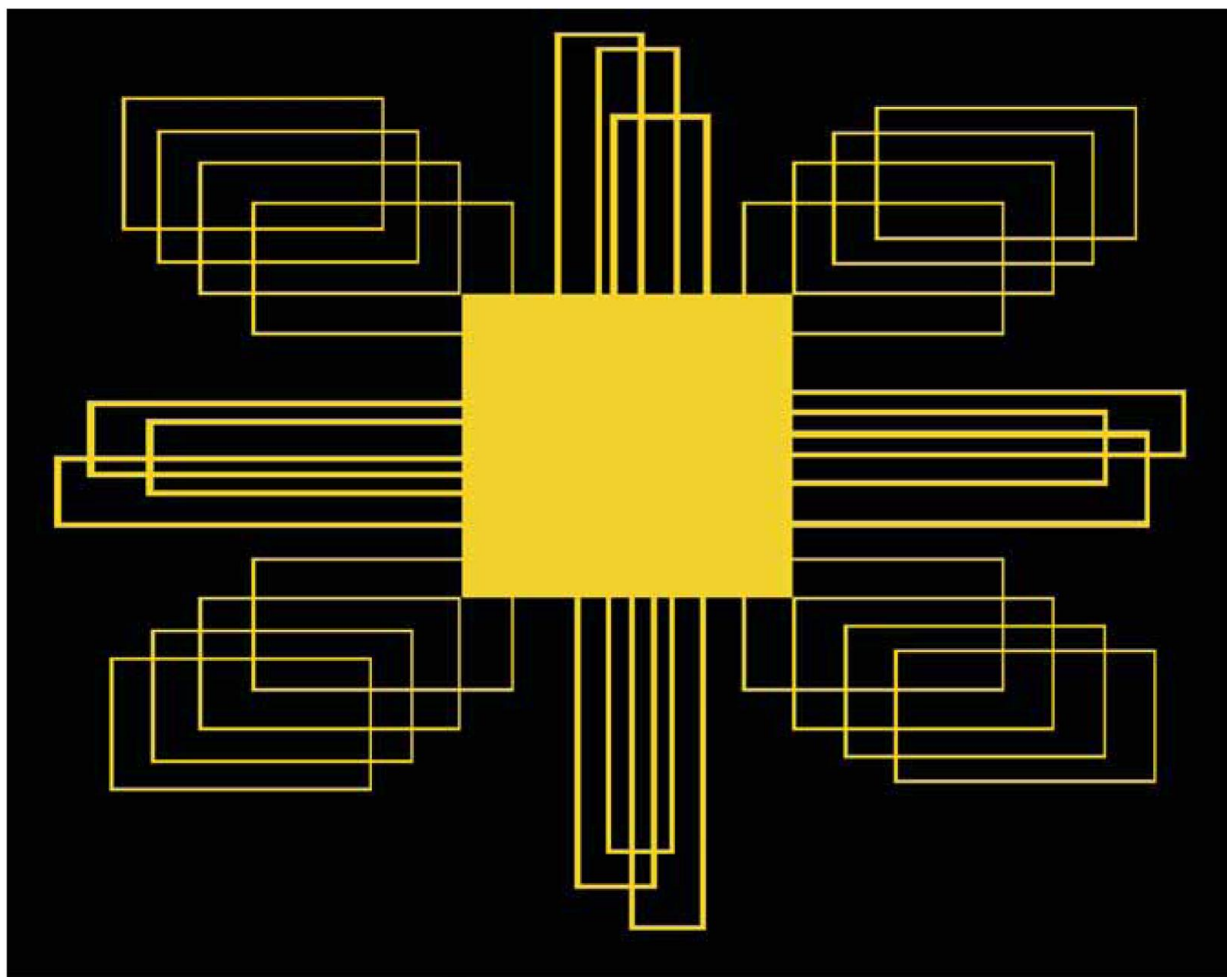
**24 – 25 июня 1824 г.
Из Одессы в Москву.
П. А. Вяземскому.**

...тебе грустно по Байроне, а я так рад его смерти, как высокому предмету для поэзии. Гений Байрона бледнел с его молодостию. В своих трагедиях, не выключая и Каина, он уже не тот пламенный демон, который создал «Гяура» и «Чильд Гарольда». Первые две песни «Дон-Жуана» выше следующих. Его поэзия видимо изменялась. Он весь создан был навыворот; постепенности в нем не было, он вдруг созрел и возмужал – пропел и замолчал; и первые звуки его уже ему не возвращались – после 4-ой песни Child-Harold Байрона мы не слышали, а писал какой-то другой поэт с высоким человеческим талантом. Твоя мысль воспеть его смерть в 5-ой песне его Героя прелестна – но мне не по силам... О судьбе греков позволено рассуждать, как о судьбе моей братьи негров, можно тем и другим желать освобождения от рабства нестерпимого. Но чтобы все просвещенные европейские народы бредили Грецией – это непростительное ребячество...

А. П.

Квадратное солнце

если собрать все звёзды
в чёрном квадрате Малевича
вот это будет явление
квадратное солнце в небе

если скажу: чистилище –
это любовь человеческая
если поверят в это
вот это будет явление

если вдруг все желания
если у всех всё сбудется
вот это будет явление
земного утяжеления

если поверить в Бога
если поверить Богу
вот это будет явление
вот это будет явление

две пары крыльев в рюкзаке

1.
две пары крыльев
в рюкзаке
семь нот
и алфавит

совью гнездо
креста
наполню грустью день

какая всеблагая лень
от этого вина

две пары крыльев
в рюкзаке
и посох в никуда

2.
за горизонт границ и чисел
под страхом бед
и волею побед
отмечен след

вплотную свет и тьма
луна и память о луне
часы и лестниц кокс

но если крылья в рюкзаке
семь нот и алфавит
то что нам вечности
стена?
надгробная плита
тому
кто вечно спит

Яна Павелковская

Ищу лесную землянику,
Грущу, как свет за облаками,
И одиночество приняло
К моей душе нашейным камнем.
Я знаю – ты возникнешь скоро
Как появляются рассветы,
Опять неумолимо гордый,
В горящий шлейф побед одетый.
Я протяну в твои ладони
Букет ромашек и росинок,
А ты посмотришь... и не тронешь,
И проиграешь поединок.
Меня утешить сладким словом
Так соблазнительно возможно,
Но, хоть давно с тобой знакомы,
Ты не теряешь осторожность.
В том нет сомненья ни минуты –
Ты как всегда учтивый, прежний...
Но как хочу я перепутать
Доброжелательность и нежность.

Андрей Коровин

ДООС – крымозавр

ЧТО ТЫ ПОНИМАЕШЬ В ПОЭЗИИ

теперь
когда я вошёл в тебя всей строкой
посмотрим
что ты понимаешь в поэзии
как тебе нравится
ЭТО
стихотворение?

ИДИ КО МНЕ

ты голая босиком из ванной
на цыпочках по разлитому лунному небу
пробираешься в спальню
между коляской и детской кроваткой
книжными полками и двумя
медведицами

Я доедаю днем остывший завтрак,
И не ищу в газетах откровений,
Я знаю, что напрасно ждать внезапность,
И обниматься с убежавшей тенью.
Мне день за днем легко и осторожно
На веки и на грудь ложится вечность,
И жжёт стремленье выглядеть моложе,
Но вечером все тянет кутать плечи.
Когда иду к тебе тенистым сквером,
Не берегу глаза и руки как в начале.
Уже не убоюсь любви и скверны –
Мне было тридцать три, меня распяли...

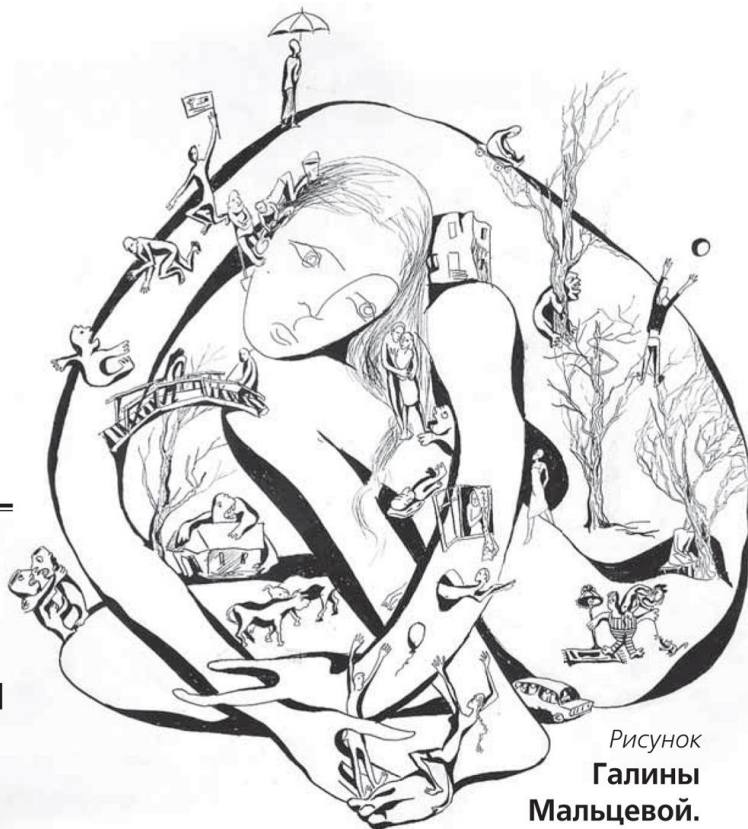

Рисунок
**Галины
Мальцевой.**

между нарисованными медвежатами
и поющими коровками
между полкой с голосами поэтов
и разрывными осколками звёзд
между кишащим игрушечной жизнью
манежем
и выпячивающим грудь телевизором
между бесчинствующими соловьями
и чинно ослепшими фонарями
любимая
как же ты долго
скорее
иди ко мне

Une grande fille perdue

Наталья Медведева

Кира Сапгир
оса ДООСа
Париж, Франция

Однажды в редакции парижской газеты «Русская мысль», где я тогда работала, прозвенел телефонный звонок. Меня попросили к телефону.

«Вы Кира Сапгир?», — раздался в трубке сипловатый голос. «Я — Таня, хозяйка ночного клуба. Вы знаете мой клуб?»

Еще бы не знать! Слава бара «У Тани» («Chez Tania») доказывалась из Парижа до Москвы еще в брежневские времена. Там приходилось слышать о некоем ночном клубе близ Елисейских полей с русскоговорящим обслуживающим женским персоналом...

«Я хотела бы с вами встретиться», — объяснила мне по телефону Таня.

Чего она от меня хочет? Ведь по роду своей деятельности я отношусь ко второй древнейшей профессии, но никак не к первой.

В тот же вечер после работы я сразу же направилась в «Chez Tania». Бар тогда помещался на улице Понтье. На этой улице, днем чинной и вполне пристойной, зажиточные буржуа выгуливают породистых собак. Зато, как поется в известном романсе, «лишь только вечер затеплился синий», на улице Понтье начинается «дверь открытых ночей». Ибо на этой самой улице и в ее окрестностях — мигает неон самых значных мест столицы.

В витрине бара «Chez Tania» — тройка удалая, скопированная 1х100 с палехской шкатулки. Авторство шедевра, поговаривают, принадлежит самому Илье Глазунову. Еще в Москве ходила байка, что знаменитый мэтр, наезжая в Париж, частенько заходил в бар к Тане, с которой они были добрыми приятелями. И действительно, стены бара украшали творения Глазунова. На одной — молодой боярин под весенним небом глядит вослед красным девицам, идущим в церковь среди пасхальных берез. С боярином по со-

Таня и Марк.

седству — русская красавица, в кокошнике и сарафане, с перекинутой на грудь русской косой. В портрете без труда угадывалась хозяйка заведения.

Известно было, что во Францию из СССР Таня вышла сразу после войны. Она вышла замуж за летчика эскадрильи «Нормандия-Неман». Уникальный случай! — по личному указанию товарища Сталина! Ну что? Sic, господа? Вот именно Sic. Он самый.

Лузгая подсолнухи, Таня прогуливалась по бару. «Ба! Здравствуй, моя дорогая!», — гаркнула она, бросаясь мне на шею, едва я вошла.

«Уж не интервью ли она хочет мне дать для «Русской мысли»?!» — мелькнула дикая мысль. И я оказалась почти права.

«Вот что, дорогая, мне надо дать в «Русской мысли» анонс», — это слово Таня произнесла по-французски — в нос. За многие десятилетия жизни на Западе русский Таня подзабыла, хотя по-французски говорила с безбожным русским акцентом.

Речь шла о приглашении в бар на вечер памяти цыганского певца Авлеша Дмитриевича, недавно скончавшегося. Артисты и певцы у Тани всегда были в большом почете. Она и сама пела под балалайку и даже выпустила пластинку вместе с ансамблем

Марка де Лучека (Марк де Лучек (1937-2009) – глава ансамбля «Балалайка», парижский «ночной король»). Называлась пластинка «От Тараса Бульбы до Гагарина».

Заручившись обещанием о неразглашении своего «сотрудничества», я помогла составить текст. В анонсе было помечено: «Открыто с 8 вечера и до утра. Угощение бесплатное».

Ох и народу привалило! Тысяча человек, а то и больше. И не одни только любители цыганского пения. Явились профессора Сорбонны, переводчики ЮНЕСКО, цыгане, художники и писатели, старики и молодежь. На халяву отцы и матери семейств привели детей, поразив этим даже издававший виды персонал.

После этих цыганских поминок я стала в баре своей. Частенько я в ночи залетала туда с божественной бандой «на чашку шампанского». С тревогой наблюдая, как гостеприимная хозяйка щедро льет мне в бокал искрящуюся влагу, мои спутники, люди искусства, начинали слегка ерзать. Бар стоял на напитках. И все знали, что «У Тани» цена одной бутылки равна выручке за целый вечер в рядовом бистро. Художники скромно заказывали себе томатный сок, жалуясь

на язв, горюя о налогах, столь тяжким бременем ложившимся на их многолетние семьи. А Таня, невзирая на протесты, все подливала да подливала шампанское. Открою секрет заведения: шампанское было... бесплатным. «У Тани» деньги брали лишь за то, что бутылку для гостя, заколобродившего по Елисейским полям, откупоривали прелестные ручки... Початое шампанское берегли для друзей либо просто сливали в раковину.

Открою вам еще один небольшой секрет: в баре «Chez Tania» я была чем-то вроде живого талисмана. Как так? Что ж, придется рассказать – ведь если ты сам о себе не расскажешь, никто ничего о тебе не расскажет. Итак, среди моих разнообразных профессий существует еще одна, старая как мир. Эта третья древнейшая – гадание. В журнальчике «Звезды» какое-то время я публиковала рекламу под псевдонимом «Зина». Узнав, что я гадаю, Таня сразу же предложила мне раз в неделю сидеть у нее в баре, одевшись как цыганка. Думаю, ей нравилась такая смесь: поэт, журналист, гадалка. Мне, честно говоря, тоже. Как железные опилки вокруг полюсов магнита, моя жизнь теперь перекомпоновывалась вокруг волшебного озорства. Это было счастье – раз в неделю после обычного дня, сбросить будничное

платье и в цыганской шали, длинных серьгах, вихрем вылететь в ночь!

Развевался по ветру мой черный плащ. Руками в алых перчатках сжимала я чемоданчик с картами и хрустальный шар в шелковом диоровском зеленом платочке с надписью «Яд». Оскар Рабин говорил, что в этом наряде я напоминаю ему «Цыганку» Ван Донгена.

Разумеется, «феям из бара» я пророчила деньги и любовь. Джентльменам и денди – счастливое свидание в казенном доме.

Со своей стратегической позиции в глубине бара я могла обозревать каждого входящего. При появлении знакомого лица (а таких было немало) я старалась спрятаться за спинами. Но вскоре поняла: бояться нечего. Увидев меня, каждый, кого я знала, сам говорил: «Смотри, никому не рассказывай, что видела меня тут!» И я держала слово. Как и они. Ведь никто о тебе ничего не расскажет, если ты сам о себе не расскажешь ничего.

Тани больше нет. Бара тоже больше нет. Жаль. Без этой хозяйки бара ночная парижская жизнь как-то потускнела. Бурная, неунывающая, когда надо жесткая и властная, она была как бы неким магнитным

центром. Казалось, в ней бушует неистовая неоновая энергия, над которой не властно время. Возможно, обернись ее судьба по-иному, не хозяйкой парижского борделя была бы Таня, а министром культуры!

А в самом деле, господа? Пуркуа бы не па?

Однажды из своего закутка я увидела, что на работу вышла новенькая. Великанского роста.

гибкая, словно резиновый шланг, в надвинутой на глаза мужской черной фетровой шляпе – она была красива странной красотой травести: громадный рот, на шее явно проступает кадык.

«Не жалею, не грущу, не плачу-у-у-!» – завела она у стойки мужским басом. Затем нарисовался клиент, и оба растворились в громокипящей парижской ночной мгле.

А вскоре я вновь увидела ее – на сей раз, на улице Золотой капли, где обитал Хвост – Алексей Хвостенко, фатидическая фигура андеграунда, магнетически притягивающая к себе богему с пяти континентов.

Ну да, это была она – громадная, готическая! – угольно-черные ресницы, маникюр, губы, серьги и кольца со стразами в кулак, широченный ковбойский ремень с пряжкой с тарелку... На жирафьей ножище – поэт Лимонов.

— Наташа Медведева, — представляется. И без перехода зычно заводит: «У-у-у-л-л-люба-и-как-у-па-та-шки-карылья! Люблю, люблю Лимонова! — ревет медведица, подкидывая на коленке возлюбленного, словно малое дитяtko.

А тот, слегка растерянный, но довольный, у нее из подмышки, как из норки, то покажется, то обратно юркнет, покажется — юркнет.

Я узнала ее. Она — меня. С тех пор она меня недолго любила. А я ее.

Родилась Наталья Медведева в интеллигентной семье, в Ленинграде — «городе пьяных углов и нищих». В 15 лет попала в Штаты. Там коротенькие контракты на Бродвее, какие-то мужья, какие-то кастинги, наконец, роковая встреча с Лимоновым — и столь же роковая страсть к поэту. Затем перелет в Париж, вслед за любимым, которому она сваливается, как снег на голову!

В Париже Наталья Медведева сразу оказалась в эпицентре богемного круга. Хулиганила на тусовках, колобродила в скватах. Её повсюду «было много».

Да и все в ней было чрезмерно: красота, руки, ноги, голова, голос, рот. Она орала, пела, материлась, трахалась — ей никогда не хотелось тишины. Тишины она боялась больше всего.

Она эпатировала эксцентрическими эскападами, истерическими скандалами, а сверх того — яркостью, непохожестью, влюбленностью в Лимонова; а еще — романами со всеми его приятелями. Она якшалась с богатенькими клиентами, чокнутым цыганом, забулдыгами, художниками, мафиози. Все это она делала лишь для того, чтобы привлечь внимание любимого, повернуть его к себе лицом — красотой, ором, стихами. Для него она культивировала собственный образ пофигистки, изгнанницы, «дикой» (fauve). Но она ведь и на самом деле была fauve — одичавшей яблонькой в заброшенном саду, с несъедобными горько-кислыми плодами-дичками.

Наталья Медведева не родилась поэтом. Поэт не может жить без стихов. А Наталья не могла жить без Лимонова. Для нее стихи были не целью, а средством. И, странное дело, обычно упрямый Пегас

бегал за ней, как привязанный. Так и рождались стихи — щемящие, бесшабашные, текучие, на джазовых синкопах:

Выпачканный в дерме алкоголик

Лучше чем интернетовский жулик

Впрочем, и тот и другой — рутина

А жизнь?

Банковский клерк пахнущий «Боссом»

Готовый с восьми утра к вопросам

Босса вернувшегося из Давоса...

А секс?

У Медведевой, конечно, полно есенинщины — силлабо-тоническая ритмика, простые, отчасти примитивные рифмы, весьма однообразная строфика. Но есть там, и это главное, чистая щемящая нота, полная страстной искренности, эмоциональной пронзительности:

Всюду мне дует... что...

Бросает в холод в жар

Вставить бы дуло

В мой раскаленный шар...

«Ну, как мне его любить?» — эту фразу из прославленного мюзикла произносит Наталья, с которой мы случайно встречаемся на базаре на улице Лекурб. «Давай выпьем «кота», только у меня денег нет!» Мы заходим в близлежащее кафе, я заказываю ей ее любимый «кот» (на русско-парижском сленге Côte du Rhone — Cote по-французски звучит как «кот» — «chat» по-русски). Она пьет и рыдает навзрыд басом: «А он все пишет, все пишет! А я все хожу вокруг, а он все пишет — а мне бы подойти к нему, прижать голову любимого к груди — а он все пишет, все пишет!»

В голос плачет. Слезы, тяжелые, мутные, как пыльные висюльки на стеклянной люстре, падают в бокал с «котом». «Слушай, у тебя сигареты есть? Дай закурить...» Затянулась — и вдруг заголосила на все кафе: «Си-и-гарета, си-и-гарета, я люблю тебя за это!» — грубая, трогательная, большая потерянная девочка.

Она вернулась в Россию в 93-м. С Лимоновым они больше не сошлись. Как-то я увидела ее по российскому каналу на каком-то рок-концерте — страшную, худощую, старую, безумную — прекрасную!

Я стану стингером и героинем

Угрозой цивилизации! Всеми миру!

Зависну в космосе орбитальной станцией

И сброшу на Землю свою радиацию.

Наталья Медведева умерла в 2003 году 44 лет от роду в Москве. Не то от овердозы, не то просто не проснулась. Она завещала развеять свой прах над тремя реками, на берегах которых прожила жизнь, — над Гудзоном, Москва-рекой и Сеной.

Отпевали Наталью в и парижском Храме Александра Невского на рю Дарю. Подруга — холеная «бизнес-вумен» с черной громадной жемчужиной на

пальчике – привезла в Париж прах в полиэтиленовом пакетике и высочайшего качества селедку.

Прах ритуально вытрясли над Сеной – и отправились пировать на Университетскую улицу, в пятиэтажный особняк, кажется, 18 века. Там, в зале с коллекцией венецианских зеркал на стенах на необъятном столе с порфиrowой доской разложили по майсенским блюдам селедку, разлили по хрустальным бокалам водку, врубили магнитофон. Оттуда полился сиплый, с трудом (из-за плохой записи) различимый голос.

Видно, дух Натальи витал где-то совсем рядом: тот вечер на поминках превратился в вакханалию с переходом в оргию – тащили друг друга в коридоры, либо устраивались тут же, на порфиrowом столе, среди селедок, водки, зеркал...

Вот то небольшое, что я могла рассказать про Медведеву. И поскольку никто ни о ком ничего не расскажет, лучше, чем он сам о себе, — даю напоследок слово ей самой:

А мне на лицо положат тяжелый камень
Протащив мой труп по улицам города
Еще и колом проткнут – а вдруг и впрямь я
Вампир. И похоронят на перекрестке. Здорово?
Так нет! И этим вы меня не прославите!
Самый гуманный из всех веков – наш век
Ковровые покрытия – и в гробы и на Югославию
И на всех последующих человек.
И уже-самоубийца не преступник ни вор
Он, правда, и не святой мученик
Мы все будем жить долго долго... вот
Только запах трупный уж слишком пахучий...

(Наталья Медведева,
зима 2002 –
за год до смерти)

«Ну чем тебе потрафить, мой кузнечик,
едва твой гимн пространства огласит?
Прислушаться – он от скорбей излечит,
а вслушаться – из мертвых воскресит».

Булат Окуджава

Татьяна Зоммер

ДООС – Зоммерзавр

За мной нет и за мной да

И пусть стальной мельник
колеса города
каждый вечер
перемалывает тебе кости,
заставляя художественно прогнуться
хрусту коробов благ.

За мной нет и за мной да.

Выйди из комнатной камеры
и пойди посмотри,
чем действительно занят мир.
Он так поёт и прекрасно нежен тем,
что на самом деле
он не умеет город людей
ненавидеть, а умеет
просто любить.

Движение такта

Много дел у меня на земле:
смотреть по всем сторонам сразу.
Родить движение и мыслью ходить
как конём, по степи мира.
Кормить глаза свои
всеми чудесами сразу.
Но...
Лишь ком короток.
А время – дом терять.
Слишком рот терпк.
А музыка слуха глуха.
Но...
Движение такта и дальние
прогулки снов...
Перенести тебя и
посадить, как чудесное
дерево терпкое, вне дома.
И...
Смотреть на тебя
снова и снова
без лунных снов, фраз и пауз.

Рисунок Татьяны Зоммер

Владимир Монахов

ДООС – братскозавр

Братск

В эпоху глобализации
Поэты выносят Россию вперед стихами,
Хотя газеты неустанно напоминают о
НЕРЕНТАБЕЛЬНОСТИ
ПОЭТИЧЕСКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ.
Но я твердо усвоил, что БИБЛИЮ
Написали безымянные древние поэты,
И теперь она стала самой доходной КНИГОЙ КНИГ!

ПОЭТ! Ты нерентабелен лишь до той поры,
Пока вокруг тебя, как подле Иисуса Христа,
Не соберутся двенадцать читателей,
Живущих в городе, куда ты пришел
Почитать свои и послушать других СТИХИ!

Идея таблицы и текст – Владимир Монахов.

Коллаж – Александр Кузьменков.

О веществе ПОЭЗИИ

Вещество не опасно

Опасны – дозы:

Учил когда-то молодых
Естествоиспытателей
Составитель таблицы
Периодической Системы Элементов
Дмитрий Менделеев.

Но вещество стиха
Никогда не портит даже
Большая доза поэзии,

А вещество поэзии
Вполне может обойтись
Даже без малой дозы стиха.

Уже который день
Пытаюсь обсудить эту
Научную проблему
В тишине стихов
С поэтами молчания.

		I	ПЕРИОДИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПОЭТОЭЛЕМЕНТОВ							VIII
1	1	1 Hm ГОМЕР		II	III	IV	V	VI	VII	2 Vs ВЫСОЦКИЙ
2	2	3 Sa САФО	4 Lb ЛИ БО	5 Vi ВИЙОН	6 Dr ДЕРЖАВИН	7 Ri РЕМБО	8 Hl ХЛЕБНИКОВ	9 Bd БРОДСКИЙ	10 Gm ГУБЕРМАН	
3	3	11 Hr ГОРАЦИИ	12 Ar АРИВАРА	13 Sh ШЕКСПИР	14 Su СУМАРКОВ	15 Ve ВЕРЛЕН	16 Ro РУЖЕВИЧ	17 Sl СЛЕПУХИН	18 Hs ХАРМС	
	4	19 Ca КАТУМ	20 Bs БАСЕ	21 Ha ХАЙЯМ	22 Ba БАТЮШКОВ	23 Ap АПОЛИНЕР	24 Va ВАЛЬЕХО	25 Mk МЯКИШЕВ	26 Za ЗАБОЛОЦКИЙ	
4	5	27 Ov ОВИДИЙ	28 Rs РАНСЭЦУ	29 Cm КАМОЭНС	30 Zh ЖУКОВСКИЙ	31 Vh ВЕРХАРН	32 Wh УИТМЕН	33 Er ЕРЕМЕНКО	34 Pr ПРОКОШИН	
	6	35 Vr ВЕРГИЛИЙ	36 Is ИССА	37 Go ГЁТЕ	38 Pu ПУШКИН	39 Ba БОДЛЕР	40 Ta ТАКУБОКУ	41 Br БАРКОВ	42 Mn МОНАХОВ	

Рисунок **Кристины
Зейтунян-Белоус**
(Париж, Франция).

Вадим Рабинович

доктор философских наук
ДООС – доосозавр

Ах, братец Одуванчик
сестрица Резеда!
Что просвистит Тушканчик,
Когда придет страда,
Когда страданье лета
Начнется – травы ниц,
Когда уж все пропето
У перелетных птиц,
Когда папирус ломкий
Рокочущих стрекоз
Потрескается тонко,
Как гильзы папирос,
И даже шмель сварливый,
Истратив низкий бас,
Теперь уж молчаливо,
Не глянув, минет вас,
Не лучше ли под косу,
Под острую косу –
Навстречу сенокосу –

Погибнуть на весу,
Чем так, торчком на поле,
Средь выжженной стерни,
Тем паче и тем боле,
Когда сочтены дни?..

Ах, братец Одуванчик,
Сестрица Резеда
И ты, свистун Тушканчик,
Что скажете тогда?
Себя не признаваху,
Ни плоть свою, ни дух,
Они в ответ сказаху,
Пролепетаху вслух:
Почто, скажи на милость,
Гуманный твой совет?
Исчезни, сделай милость,
Не засти божий свет.
Как должно, так и будет.
Не убоюсь умрем,
Прильнув земли ко груди...
Мгновением живем.

Рэна Одуванчик

Днепропетровск, Украина

Я пасу одуванчики от всего вдалеке –
Может, где-то в Мокрянке, а может, в нирване.
Я устала от мыслей. Иду налегке.
Кроме строгого груза небесных знаний –

Ничего. Я иду по земле босиком –
Понимаю Порфирия Иванова.
Не забочусь почти ни о чем, ни о ком:
О себе самой мечтаю – о новой.

Что ж! Мне дорог мой маленький эгоцентризм!
(Неудобное слово, но пусть будет, ладно!).
На зеленый пырейчик кладу организм.
Здесь ему хорошо, хоть чуть-чуть прохладно.

В социальной сфере себя не поймав
И наскучив себе в занебесных сферах,
Я лежу на траве рядом с серым гав-гав
И играю на собственных нежных нервах.

И пою. Одуванчиков некому, видно, пасти.
Кто спасет этих бедных дрожащих овечек!
Я завидую им. Им не нужно идти.
Они знают: их дело цвести. Им легче.

Им не присуще терять себя и искать.
Им не нужно грешить, чтоб с небес
посылали спасенье.

Их карма – нирвана. Их дело – знать,
Когда разукрасить простор весенний.

Я знаю, овечки немножко завидуют мне,
Что дома не мыта посуда и нету супа,
Что нету работы, учебы, что жизнь вовне
(вовне организма) со мной сочетается глупо.

Овечки завидуют, что дома мне будет скандал,
Что даже весной мои мысли навзрыд суетны,
Что каждая точка в мире – еще вокзал
И не поезд уже, а лишь – на него билеты.

... Я пасу одуванчики от всего вдалеке.
Я пою эту глупость в оправдание
собственной лени.

Мир душист и пушист. И не понят никем.
... А намереди у Пушкина день рожденья...

Это к слову. К какому? К Слову вообще.
То, к чему нам следует обращаться.
Я пасу одуванчики. Веду их в щель
Поэтического (т.е. земного) пространства...

Ирина Бессарабова

ЕГИПЕТ

Из Египта бежать, чтоб потом возвратиться в Египет.
– Разве нет нам в Египте гробов, что ты гонишь народ?
Черным голубем Африки Нил за мгновение выпит,
В голубиное горло корабль с дураками плывет.

Здесь и ты среди всех, здесь и я, и грехи наши тяжки.
В опустевшей корзинке когда-то лежал Моисей,
Серый голубь стальной как упавшая с пояса пряжка:
Не удержится небо, и бездной навалится всей

На пустыню песка, миражей и ученых верблюдов,
Где игольным ушком предстает часовой циферблат,
Нам в него не войти. В черном голубе движутся люди
Каждый зван и любим, словно в детстве потерянный брат.

Из Египта в Египет, из бегства Исхода до бегства
Восхождения по острым камням византийских икон.
Кем еще не прочитано страшное древнее детство,
Тот не узнан судьбой и с собою самим не знаком.

Египет: центробежная сила и центростремительная слабость

Крыло самолета резко наклонилось над черной пустыней моря. Ночь, как и морскую волну, таким крылом не зачерпнуть. Орлиные крылья, конечно, более гибкие, чем стальные. Они, бывало, зачерпывали не только воду и свет луны или солнца, но и целые народы. И несли их. На крыльях Боинга надпись: «Do not walk outside this area».

Не по всему моему крылу разрешается ходить, – напоминает самолет летящим над морем людям. Но они не ступят даже там, где можно. Люди боятся такой высоты. И нет Моисея, который бы убедил их, что в небе – не страшно, потому что там не может быть рабства. Никто не напомним пассажирам Боинга слова Господа: «Я носил вас на орлиных крыльях, и принес вас к Себе» (Исх., 19;4).

На крыльях орла красовались только пиктограммы узорчатых перьев, и каждый, кто нашел себе здесь место, пробовал прочесть послание, обращенное лишь к нему одному.

Море становится черной пустыней только ночью. Оно затихает и сдерживает дыхание. Оно вспоминает о своем оплотнении, когда пришлось расступиться перед людьми. Центробежная сила Египта была немыслима: уходил целый народ.

Иероглиф Сириуса.

В Египте первый восход Сириуса в утренних лучах Солнца приходился на конец июня – начало июля и отмечал наступление самого жаркого времени года.

Долина пирамид из космоса.

Пески не смогли бы расступиться, слишком связаны между собой песчинки, рассечь пустыню – все равно, что рассечь живое тело. Песок, от нежных тонов охры до тревожных пурпурных, весь сочен. Не по атомам песчинок, а именно по оттенкам, из названий которых, в основном, и состоит язык кочевников.

И странно, и закономерно, что здесь живут копты. Их монофизитство и объяснимо, и непостижимо. Они отказывают Христу в праве быть человеком и признают в Нем только Бога. А ведь здесь – одно из немногих мест на земле, которые Он прошел. Правда, сначала лишь на руках Матери, восседающей на ослике. Крохотный слабый Младенец, влекомый центростремительной силой в сердце Египта. В каирской церкви Он уже ступал по плитам подземелья. Халкидонский Вселенский Собор в середине V века подумал и осудил трепетных и богобоязненных коптов, после чего их церковь отошла от ортодоксальной христианской. Что стоит за словом отошла, можно спросить у моря и пустыни, в их молчании – вся трагедия.

Быстро-быстро меняю оптику. Я не могу говорить о таких масштабных событиях, как отверждение моря или отделение – отдаление одной части Церкви от другой. Когда отдаляются родные, сближаются дальние и даже враждующие, ведь и они – осколки некогда целого. Пространство близости не остается незаполненным. Пение мусульманских молитв созвучно со знаменным распевом. А в нарастающем гуле непонятных христианам слов этих молитв слышится отзвук католической мессы. Все вокруг человека окликает одно другое и этими окликающими держится. Не бойтесь орлиных крыльев.

МОИСЕЙ

Проклятие Спасения.
Спасение проклятия.

Моисей уходил с народом, который роптал и сопротивлялся орлиным крыльям свободы.

ИИСУС

Проклятие проклятия.
Спасение Спасения.

Рядом с Младенцем Иисусом были Мария и Иосиф, не ропшущие, не сопротивляющиеся, только любящие.

Валентин Никитин

ДООС – теозавр

предгрозовая благодать
предгрозовое замиранье...
нам не дано предугадать,
что предначертано заране

нам не дано предугадать,
свобода или неизбежность:
предгрозовая благодать,
предгрозовая безнадежность?

как будто в воздухе мираж
и Марса противостоянье...
кто победит и смерть, и ад?
кто осужден на отрицанье?

кто победит и смерть, и ад –
любовью, верою и надеждой, –
чьи очи гением горят
и светятся преображеньем?..

Душа, не суетись,
Смирись и успокойся,
Легко перекрестись
И ничего не бойся;
И сокровенный смысл
Откроется с откоса.

Ты видишь горизонт?
Он чист, как в день творенья.
Забудься от забот,
Как ангел сновиденья;
И голос позовёт,
И явится виденье.

Пленительная грань –
Река за горизонтом...
Но смерть не отвергай,
Дарованную Богом;
Взыграй! – ты входишь в рай
По облачным отрогам...

8 марта 1990 г.,
Москва – Тбилиси (в самолете)

Галина Мальцева

ДООС – стреказелла

Картина «Путешествие в лето»

Александр Федулов

люлька качнулась над полем ночным душным.
двинулся свет по стенам и потолку.
мир перейду, не боясь, босиком как по суше.
лепетом вольным со мною, гроза, потолкуй.
Гендель рожками заманит охотников дивных послушать.
орды видений закружат и в сон умыкнут.
гимн отзвучит и зависнет над спящим пастушка
ериком грёз, где героя в нектар обмакнут.
внемлю и вижу и знаю – Твой голос разбудит.
зыбкий рассвет в мое сердце спокойно вплывет.
кто-то в тумане лазурном взор мой набухший удит и
издали манит за поворот.
нежный, невнятный, он машет крылами, что любит.
ой ли, милый мой, «вечности малой»* Эрот...

*«Большая вселенная в люльке
у маленькой вечности спит».
О. Мандельштам.

Максим Маренков
Самара

Еще пять минуточек

она такая милая когда спит
что мне не хочется
ее будить
я сидел рядом
и смотрел на нее
целый месяц

я начинаю скучать
пожалуйста
просыпайся
очнись
эй

Нибиру, Урина, Алексей

ученые утверждают
что все люди погибнут
когда земля с планетой столкнется
чье имя
нибиру

но какое это может иметь
значение
когда каждый день
умирают люди
от желания позвонить тому
чье имя
вводит в дрожь

Татьяна Грауз

В НЕЯСНОМ СВЕТЕ

от этого парка веет и веет теплом
и по коже деревьев бродят различные божи и насекомые
твари

и дождь останавливает свой бег
и твой взгляд
останавливается
с квартой светит ты входишь в неясный осенний свой день

проточной воды зачерпни

и увидишь свои и другие
и нескончаемые сады
а выше
если захочешь выше

но там ни зги не видать
там кто-то до боли знакомый склонился и дует сочувственно
на рану твою на царапину на будущее
где всё ещё до
и всё после

РОЖДЕНИЕ ГОРЫ

вдруг и невдруг спотыкаешься о камни озёрные
плеск волны
памяти прибрежная галька
и порошком бирюзы окрашены уже берега
и лес и ступени больницы
и школа с крыльцом и третьей (щербатой) ступенькой
и даже урок химии
(колба взорвавшийся купрум скомканный воздух испуг)

памяти хрупкая синь-бирюза

тысячелистник у монастырской стены молчанием полон
в сером дожде полдня сосен терракотовый свет

и сверкают
донник кроткого духа
радость богородичных трав
муравьиное царство

о смертное небо!
бессмертна земля твоя! Дионисий!
и бирюзово-прозрачна!

Фото Лидии Григорьевой

«Есть тонкие властительные связи
Меж контуром и запахом цветка.
Так бриллиант невидим нам, пока
Под гранями не оживет в алмазе.

Так образы изменчивых фантазий,
Бегущие, как в небе облака,
Окаменев, живут потом века
В отточенной и завершенной фразе...»

Валерий Брюсов

6 июня 1895

Лидия Григорьева

ДООС – стреказанка

Лондон, Великобритания

Чертог бутона

Бутон –
и напряжен,
и нераскрыт,
как книга непрочитан,
и лежит
на дальней полке памяти,
и будет
оттуда ненароком извлечен,
и сдунут пыль,
войдут в него, как в дом,
в чертог бутона –
розовый, могучий
и гулкий,
как пустующий собор;
и ассоциативная мигрень
сожмет виски –
о, что напоминает,
о, что напоминает это мне –
там высоки изогнутые стены,
прозрачные, конечно, изнутри;
спираль метафоры
развернутой –
разверстый,
взметнувшийся в ночную жизнь
бутон;
а впрочем, это все литература –
слова... слова...
и только жизнь – жива!
И розовый бутон,
каких немало
всегда весною
в Нальчике, на юге,
один из многих – жадных, золотых,
прохладных, перламутровых
бутонов –
раскроется,
и станет черной розой –
прекрасным утром
юности моей.

Валерий Байдин
Кан (Нормандия), Франция

СВА

Фрагменты из романа. Начало в № 5 (37) 2012 г.

Дик

Из-за пронизывающего ледяного ветра в тот вечер парадник был непривычно малолюднен. Не было гитары, никто не пел, не смеялся. С полдюжины хиппов толпились в самом тёплом месте, у батареи, курили, без особой охоты глотали ледяной вайн и лениво переговаривались.

Дик, завидев Сва, отвёл его вглубь подъезда, к заколоченной двери чёрного хода, где поворачивали во тьму усыпанные мусором ступеньки и откуда вечно тянуло подозрительной вонью.

– Не хочешь косячок рвануть? Немного опиума для пипла. Или религии для народа, как сказал бы отец всех мажоров, – он протянул сигаретку.

– Это что? – догадался Сва и напрягся.

– Это? Травка, маришка таджикская. Не пробовал ещё? – глаза Дика глубокомысленно блеснули.

– А ты пробовал?

– Не смейся! Я уже два года зависаю.

– М-да? А зачем тебе?

– Да, просто. Чтобы крышу покруче задвинуло. Отрубиться, кусок кайфа поиметь. А что?

– Не пойму, зачем такой кайф лично тебе? Ты что, по-другому не умеешь?

– Чего тут понимать, май джус? Торч много круче водяры. А жизнь кругом херовая. Нет кайфа в лайфе. Ну, будешь? Если что, потом сочтёмся.

– Нет, я... – Сва заметался взглядом по стенам и неуверенно предложил: – Слушай, у меня с собой портвешок есть. Может, лучше дринканём?

– Ладно, уговорил, – он неохотно улыбнулся и спрятал сигарету.

Сва пил понемногу, как обычно, Дик жадными,

крупными глотками, быстро хмелел, хмуро усмехался, выслушивая пустяшные прогоны о жизни, учёбе, последних тусовках. Потом вдруг перебил, хмельно растягивая слова:

– Мне это давно в облом, вот где! – он провёл рукой по горлу.

– А наш парадник?

– Лабуда это, не сечёшь разве?

– Ты же сам меня сюда привёл, – удивился Сва.

– А-а! – отмахнулся Дик и, опираясь спиной о заколоченную дверь, разом прикончил бутылку. – Пошли отсюда, смердит.

Они вернулись в подъезд, но остановились в стороне от остальных. Дик пьяно привалился плечом к стене и с мрачной многозначительностью произнёс:

– После “лета любви” в Калифорнии и Вудстока ничего гудового в мире не было. И уже не будет. Тем более в совке.

О чём шла речь, Сва имел смутные представления и спросил о другом:

– А по жизни... ты что ищешь?

Вместо ответа Дик ни с того ни с сего начал рассказывать про какую-то мочалку:

– У неё что фейс, что брэст – полный улёт. Ботва обсадная, а бек-сайд – до крезов заносит. Кисанёшься разок и заторчал. Я был от неё в коме недели две, пока она не свинтила. Фрилав давила, я сразу не просёк... – он опустил глаза, но тут же овладел собой и ухмыльнулся: – В системе так, старик! Не жмись особо с герлухами. Хочешь, скантую тебя с одной чувой. Сайзы – умат! Можешь клёво к ней пристроиться. А то у нас тут, вообще-то говоря, одна ботва и криватень тусуется.

Сва смущённо пожал плечами:

– Я бы не сказал.

– Ну, а чё ты тогда с ними паришься? Повторяю тебе, как фрэнд, забей на Лави и расслабься. Наши герлухи при тебе давно кисляк дают.

Говорить с Диком и даже думать о Лави в его присутствии Сва был не в силах, едва сдержался, чтобы не крикнуть: “О ней при мне молчи! А то фейсану тебе разок, чтобы не лез не в своё дело!” Но вместо этого разжал кулак и вяло отговорился:

– Сначала герлице нужно жоть в глаза поглубже заглянуть, по душам поговорить.

– Брось эти понты! Душа, или что там у них, у любой герлы сходу открывается вот этим, – он сделал выразительный жест рукой. – Что мне учить тебя что ли?

– Учить чему? Мы не в школе, я разных девиц повидал. Мне совсем другое нужно, – прервал его Сва.

– Йесенько... – Дик как-то странно усмехнулся.

– Значит, ты такой?

– Такой, – он не нашёлся, что сказать, поёжился от холода, помахал всем рукой и выскочил из парадника.

Не раз потом вспоминал Сва этот разговор и сигарету с травкой:

– Понятно, Дику жизнь давно опаскудела. К тому же он понтящик. Такая открывалка работает лишь там, где и открывать нечего. Но дурь – это серьёзно, это отмычка уже от мозгов, чёрный ход в душу.

Откол

Несколько дней по городу растекалась холодная оттепель. Растаяли лужи, крупные капли висели на ветках, лоснились от влаги последние кучи листьев, оставленные дворниками на бульваре. В один из вечеров, когда Бор уже который раз подряд пел то по-французски, то по-русски песню Халлидэя “Ворота тюрьмы”, когда из угрюмого задверья в парадник вползали сырые туманы, холодной испариной оседали по стенам, стыли на полу и проникали под одежду, когда все ёжились от неуют, задумчиво рисовали на стенах пацифики, простуженно чихали, наперебой сморкались и словно чего-то ждали, в подъезд вошёл Откол. Он потянул в воздухе носом, перекосил лицо, словно от жестокой боли, крикнул “Слушай, народ!” И истошно, надолго закашлялся.

– Ну, и в чём фенька? – спросила Точка, всегда готовая рассмеяться и всех рассмешить.

– Хочу прочесть вам одну мою придумку. Называется “Откашлялся”.

Он размотал толстый шарф, вынул из протёртого

до мездры чёрного кожаного пальто бумажку и начал читать: “Известный артист комического жанра вышел на сцену, улыбнулся, открыл рот и негромко откашлялся. В зале вежливо зааплодировали. Тут он откашлялся ещё раз, погромче. Подождал, пока стихнут приветствия, и закашлялся сильнее. Зрители принялись по привычке смеяться. Тогда артист начал кашлять непрерывно, с натугой, хрипом, слезами и покраснением лица. Народ зашумел, засвистел, потом заорал, затопал. Артист всё кашлял. Никто уже не смеялся. Наконец, все начали, стуча сиденьями и возмущённо крича, покидать зал. Комик обвёл уходящих мутным взглядом, покачнулся, кашлянул напоследок и скончался”.

Откол кашлянул пару раз, картинно вынул носовой платок, развернул на пол-лица, шумно вздохнул и... опять положил в карман:

– Ну, как?

– Забавно, – хмыкнула Глори. – Под Хармса сделано.

– Не понял юмора, – недовольно уставился на него Бор, замотанный вокруг головы серым пушистым, похожим на женский шарфом.

Откол ничуть не смутился:

– Если текст вам не покатыл и кашлять никому не расхотелось, предлагаю оттянуться по-другому, чтобы не стухнуть от холода. Сейчас мы сделаем для себя немного музыки. Делимся по способностям и по тембру. Одни кашляют, другие сморкаются. Басом, тенором, фальцетом, кто как может. Мне на это начхать, – он театрально чихнул, – я займусь режиссурой. Начали! Горловые партии солируют. Можно кашлять дуэтом, можно трио. Потом вступает хор носов, затем опять кашельники.

Народ хмыкал и хихикал, слушая объяснения Откола. Все явно были готовы к спектаклю.

– А чихать можно?

– Если кто умеет нелажово, то вперёд! Мне лично слабо.

Со второй попытки получилось нечто забавное. Трое попеременно кашляли, остальные, зажав носы и выпучив глаза, вразнобой трубили на весь подъезд.

– Вэл дан. Теперь пауза, накапливаем рабочий материал и ждём ценителей. Но, май фрэндс, помните, мы работаем в коллективе. Меньше самовлюблённости. Каждый должен понять идею и дать ей личное выражение. Всё должно быть предельно жизненно, должно убеждать...

Где-то сверху громыхнула дверь лифта.

– Попробуем под блюз, – прогнусавил Потоп, не отрывая платка от носа.

– Лучше на мотив “Эй, ухнем!” – хохотнула Точка.

– Всем убрать смайл! – Откол хлопнул в ладоши

и обвёл труппу сердитым взглядом.

Со слезящимися от смеха глазами все ждали лифта и тихо пробовали силы. По углам звучали репетиции. Бор выделял нечто неслыханное с помощью своего носа.

– У тебя талант просто выдающийся, аграмадный! – не выдержала Ни-ни и сделала ему пальцами “носик”.

– Не выпускай пары, старик. Ты начнёшь, – довольно улыбался Откол.

Тут же послышались хохочущие вскрики:

– Бор станет солистом ансамбля “Горлонос”, новой рок-звездой.

– Мы объедем с гастролями весь мир.

– И всем утрём нос.

Хлопнула дверь лифта, и в подъезде появилась пожилая пара.

– Уан, ту, гоу ит! – прошептал Откол и театрально чихнул в пол.

Бор громко, старательно начал. С обеих сторон его принялись обкашливать две герлицы, к ним неуверенно, но басовито присоединился Потоп. Жильцы остановились на полпути, недоумённо всмотрелись в молодые лица с красными носами и безумными от еле сдерживаемого смеха глазами.

– Мань, гляди! Они все чеканутые. Напились штоль? – помотал головой тщедушный мужичонка.

– Во-о! Опять собрались, кашляют теперь. Ещё заразят чем, – дёрнула его к двери крепколицая жена. – Кто их, чертей, знает?

Тут вступила группа с носовыми платками и выдула несколько коротких мучительных аккордов. Их сменило энергичное соло Бора и нестройный кашель аккомпанемента.

– Не пойму, хулиганят што ли? – голос женщины стал грозным, а щёки запылали. – А то шас! Милиция рядом, живо всех разгонят!

– Тётенка, да мы гриппуем! – зажмурился Откол и неудачно чихнул. – От холода тут прячемся.

– Мы хиппу-уем... – гнусаво протянула Мади и выразительно закашлялась.

– Чево? Не поймёшь их... Лёнь, ну, чё ты встал-то? Седой, а всё на девок пялился, – хмуро оглядывалась женщина, подталкивая мужа к выходу.

– В Москве эпи... демия! – чихнул Бор и внушительно сыграл носом.

– Мы лечимся. Смехом, – всё испортил Потоп.

– Хулюганы они! – догадался мужчина и блеснул на жену глазами.

– Шас милиция вас вылечит! Заразы такие, ещё и насмежаются, – женщина вытолкнула мужа на улицу и гневно обернулась, – Собрались, расчихались. Я пойду сообщу, кому надо!

Дверь захлопнулась, и все взорвались от хохота.

– Угораю, мама!

– Ну, ка-айф!

– Это, это... пимпек и абзац!

– У-вас хипп в голосе! – Откол грозно ткнул в Мади пальцем.

Все разом покатились со смеху, но Потоп раздельно и громко произнёс:

– Леди подумала, что мы хотим её заразить. Придётся соскок делать.

– Что ты застремался? – демонстративно кашлянул Бор.

– Нет, я серьёзно, – кашлянул в ответ Потоп.

– Расслабьтесь! – крикнула Точка и презрительно высморкалась.

Откол вынул из сумаря бутылку портвейна и приподнял над головой:

– Так! Начинаем заседание худсовета. Разбор полётов...

– На полу заседать будем? – прыснула Ни-ни.

– А могут и в ментовку посадить, – мрачно продолжал Потоп.

– Или в крезовник положить, – хохотнула Точка.

– Или, или... Не кашляйте, народ! – закричал Откол и открыл бутылку. – Да здравствует первый в мире ансамбль носоглоток!

– И первый в истории концерт новейшей хиппо-музыки, ура!

Жизнь в параднике проходила по своим законам. Чтобы меньше мозолить глаза, обычно собирались после восьми вечера, когда жильцы безвылазно сидели по домам у своих мусорников. После очередного стрёма с вызыванием полисов, все на несколько дней рассыпались по другим тусовкам. Ходили на “Трубу”, “Пушку”, “Тоголя”, к “Ноге” или заваливались на чей-нибудь флэт. А через неделю-две потихоньку возвращались в парадник. Так же беспрерывно курили, дружно смеялись над приколами, обнимались, поражали новичков глючным дрессом, феньками и непрерывным стёбом, аскали мелочь, делали детский смайл возмущённым гражданам, иногда все вместе шли в кафе “Аромат”, где блаженно тянули копеечный чай со слоями или пустым хлебом, скидывались и в ближайшем лабазе покупали на всех конфет и дешёвого вайна, долго согревали и настраивали доску, чтобы отсинговать пару песен, кайфовали в тишине, подписывались на пати и сейшены с другими тусовками, мечтали о весне и летних трассах и к полуночи разъезжались по домам до следующего раза.

Но Сва, чтобы жить дальше, должен был мертветь. Изнутри, с каждым днём всё больше. Гнать любые мысли, смеяться любому пустяку.

Базарить ни о чём – быть, как все. Он держался из последних сил. Только ночью в нём всё срывалось.

– Одиночество – это когда один ночью... – крутилась в голове дурацкая мысль.

От неё он пытался избавиться, то глядя в книгу, то уставясь в окно. С нею засыпал, забывая во сне себя и неодолимую грусть. И внезапно просыпался, когда в нём просыпалась надежда:

– Она придёт. Не может же она пропасть навсегда.

Однажды в параднике он попал на бёздник Откола. Тот был в ударе, да ещё по такому случаю, принёс вина и кучу разных глюковин.

– В честь моего двадцатиоднолетия провозглашаю новое направление в искусстве. Называется Аз-арт!

– Азарт? – переспросил Потап.

– Вот ты первый и попался, – довольно рассмеялся Откол. – Аз-арт, а не азарт! “Аз” – это я, ты и любой, кто захочет, а “арт” – всем понятно. Получается, если мозги наморщить, “я-искусство”, то есть, “самоискусство”. В переводе на московско-пешеходный значит “самовыражение”.

– Ну, и как ты будешь теперь прикалываться, подкалываться или откалываться? – поинтересовалась Ни-Ни.

Откол молча, без улыбки, поднял палец вверх, и все покатались со смеху.

Для начала он вытащил из сумки и повесил себе на спину небольшой коллаж в багетовой рамке на мотив картины “Не ждали”, где вместо фигуры ссыльного была наклеена фотография хиппаря в крутом прикиде. Расхаживая так, Откол читал короткие забавно-нелепые стихи и, уставившись

глазами в глаза, доводил до истеричного смеха одну герлицу за другой: “Квадратное сердце”, “Он с женой контуженной”, “Надувная птица”, “Цветок в горшке”, “Поцелуй тротуара”... Кроме названий и отдельных строк Сва ничего не запомнил. Сочинения Откола в тусовке знали и называли, как и он сам, “стихарями”.

– Прочти “Красные фиги”! – крикнул Потап.

– Нет, это я читаю только по крупным государственным праздникам, – комично посерьёзnel Откол. – Когда фиги торчат на всех домах.

Не подавая вида, Сва долго всматривался в его лицо и когда пересёкся с ускользящим взглядом Откола, не поверил: в глазах его стыла весёлая жуть, в бессмыслице слов колотилось отчаяние, всё походило на непонятную пытку себя и других. Или так показалось? Откол не подавал вида. Насладившись эффектом “стихарей”, он неожиданно пустил по полу заводную мышь, которую все тут же начали с визгом и хохотом ловить.

– У братишки взял поиграть. Умоляю, не ломайте! – кричал довольный Откол.

– Кайф! Где кошка? Умираю, держите – пласт будет! – визжали девушки.

– Бор, крезанулс что ли? А-а! А-а-а!

Это Бор сунул мышь за шиворот Муазель.

– А для тех, кто боится мышей, – крикнул Откол, – предлагаю маленький концерт. Следующий азартный номер! – жестом фокусника он достал из-за пазухи детскую пластмассовую флейту, набрал в рот сигаретного дыма и издал дикий звук, вылетевший из её отверстий вместе со струйками дыма.

– Откол, дай дунуть! – хохотнула Данетт.
Рядом покатывались со смеху другие и рвали игрушку к себе.

– Класс! – хмыкнул Потоп. – Можно оттянуть-ся?

Откол невозмутимо отдал флейту и тут же в упор выстрелил в него из пистолетика с лентой бумажных пистонов. Отпрыгнул, сунул его Ни-Ни и крикнул:

– Будешь отстреливаться! От Потопа и полисов.

Все ополоумели. Носились по подъезду за мышью, пытались дуть друг на друга “музыкальным дымом”, поочередно, вспомнив детство, стреляли трескучими пистонами и смеялись до потери сил. Но тут, перекрывая шум, Откол крикнул:

– Сто-оп! Всем стоп! – вынул из сумки пакет и поднял высоко над головой: – На случай стрёма. Если жильцы станут нависать, типа “пошли вон!”, всем надо замолкнуть и сунуть в рот вот это. Хватит каждому.

Он принялся серьёзно и сосредоточенно раздавать направо и налево дешёвые соски-пустышки. Раздался громовой хохот, несколько человек сползло по стенке на пол, изнемогая в смеховых конвульсиях. Долго ждать не пришлось. Вскоре на лифте спустился юноша, глянул на дружно чмокающих хиппов, недоумённо поправил очки и диковато гоготнул.

– Держи, малыш! Это тебе от райсобеса, – протянул ему пустышку Откол.

– Нет уж... Вы тут сами, без меня... – смутился тот и с оглядкой поспешно скрылся.

– В кино не увидишь, комики! – добродушно остоленел старик, старательно повертел пальцем у виска и заковылял к лифту. – Подождите, я же-ну позову, фотоаппарат вынесу.

– Во, здорово! Приходите, обязательно!

– Со всей роднёй!

Проводив очередного жильца, пиплы корчились в припадках смеха, хватали ртами воздух и ходили вдоль стен с бессильно плачущими глазами.

– Чудо-соски! Для продления жизни! – с пафосом кричал Откол.

Наконец, с улицы вошла знакомая всем женщина средних лет, грозно обвела взглядом подъезд и сказала, заводясь с полуоборота:

– Так, опять вы здесь!

Все мгновенно замерли и, глядя на чудище по-детски вылупленными глазами, принялись дружно и звучно сосать пустышки.

– Что? Совсем рёхнулись? – вскрикнула женщина и неуверенно отступила к лифту. – Издеваетесь, да?

– Мы ещё маленькие, – не выдержала Данетт.

– Мы хорошие. Нам есть хочется, – жалостливо протянула Точка.

– Щас вас накормят. В отделении. На бульвар выметайтесь! Живо!

– А на улице холодно! – продолжала Точка.

– Нам там страшно, – поддержала её Муазель.

– Тётянька, не выгоняйте нас, пожалуйста! – жалостливо басил Бор.

– Дурью маются. Всех вас на стройку! В Сибирь отправить надо, вкалывать!

– Мы готовы, сразу вслед за вами! – крикнул Откол.

– Вроде трезвые, а чего творят. И правда, хуже младенцев, – сбавила тон женщина. – Неужто, моя дочка такой станет? – она захлопнулась в лифте, а вслед ей неслись голоса:

– Пусть дочка к нам приходит!

– Ей с нами классно будет!

– Ещё чего... – из плывущего вверх лифта донёсся задущенный вскрик и потонул во всеобщем восторженном гаме.

– Всё, халатов зовите! Отъезжаю.

– О-о, тащусь! Прун пошёл, о-о!

– Не могу, живот от смеха... вывихнул!

– Гуд фо ю, Откол!

– Давайте spoём ему!

Откол с серьёзным видом сосал пустышку, вслушиваясь в плохо звучащие голоса:

– ...хэппи бёсдей ту ю, Откол! Хэппи бёсдей ту ю!

На этот раз Сва не усидел в углу. Вместе со всеми пил портвейн и улыбался, поминутно срываясь на смех. Перед уходом подошёл к Отколу, благодарно глянул в пьяное улыбающееся лицо, но так и не решился ничего сказать, только пожал руку. Тот в ответ вынул из кармана заводную мышь, взял её зубами за хвост, по-кошачьи помотал головой и очень похоже мяукнул. На одном плече у него висела Точка, на другом Мадя.

Без всякой причины много дней подряд Сва вспоминались строчки из “Надувной птицы”:

И думала птица, что небо – в груди,

Что целая жизнь у неё впереди...

А потом она, конечно, лопнула. Как детский воздушный шарик.

Разумеется, Откол был прав, он всё понимал. Глупо страдать из-за людей, у которых “квадратное сердце”. Но зачем так смеяться и над собой и над хиппами, с их мечтой “улететь в небеса”? Чем он сам держится? На все попытки сблизиться Откол отвечал гримасами и дурацкими выходками.

– Это же Откол! Он такой был и таким останется, – говорили о нём герлицы.

Нот сдержал усмешку и попытался объяснить необъяснимое:

— С ним особо не поговоришь. Ясно, что талантлив, и это знает. Один мой знакомый — отец в рок-авангардных кругах, слышал, как Откол свои “стихари” читал, и заценил: “Мэн может далеко продвигаться. Но пока это лишь способный наивняк. Для юнгов сойдёт”. Я согласен. Откол всякий, в нём всё перемешано. Все его любят, девушки к нему липнут, но никто не знает, что у него в душе. Хотя, мне кажется, он давно и безнадежно на Лави глаз положил.

Иначе и быть не могло. Сва признавался себе, что в своих чувствах отнюдь не одинок — Лави нельзя было не любить. Тусовка без неё заметно потускнела, никто не подавал вида, но все ждали её возвращения. А о Лави не было вестей, даже её подруги пожимали плечами:

— Дереву ясно, телефон отключила. Уже которую неделю не отвечает.

Сва не мог пересилить тоску и, хотя денег было в обрез, каждый вечер покупал портвейн, угощал

друзей, слушал их пустоватые прогоны, а в душе то и дело взмывали воспоминания об их единственной встрече и странные, то ли радостные, то ли тревожные, предчувствия. Герлицы держались от Сва в стороне, с кем-нибудь из хиппов он глотал вайн, до одури курил, в нужных местах кивал головой и улыбался, но говорил мало и вяло — о всякой ерунде. С краю, в углу или у стенки, потерянно отсиживал час-другой, на прощанье махал рукой в пространство и молча исчезал.

“Способный наивняк”. Несколько дней вертелись в голове эти слова, он примеривал их к Отколу, Ноту, себе и с досадой усмехался:

— Ну, и припечатали олды! Сразу всех, кто моложе. Наплевать... Пусть для них мы наивняк. Они тоже такими были. Во все времена так было. Пожалуй, только про Лави не скажешь, что наивна. В ней что-то другое есть, непонятное. И опять мысли надолго возвращались к ней.

Яна Лиддел

Донецк, Украина

Прятки

Ты вдыхаешь дым, щуришься в небо. И выдыхаешь (новый шов, стежок):

я хочу, чтобы ты заблудилась, а я тебя — понимаешь? — нашел.

Я хочу, чтобы ты сбилась с ног и упала. Выпачкалась в траве и земле. Чтобы держала курс на запад, но повернула правей.

Чтобы металась от дерева к дереву, звала меня — зверем.

Чтобы сначала предала, потом вернула то, во что верила, прокляла, отреклась, замолила, разбила и склеила.

В корни вгрызаясь, ломая руки, в бессилии, в птичьей клетке, обрывая ягоды волчьих, связки, воротник грязной рубашки, тонкие ветки, бредила бы истощенным:

любимыймойлюбимыйненавидимыймой.

Красная шапочка, забывшая маму, адрес, дорогу домой.

Ветер вплетал бы в волосы сорняки, змей, паутины нити, ветер нашептывал бы на ухо: «разве ты хочешь выйти»,

а ты вроде была бы и не слишком уверена,

но отвечала бы: «двери мне подайте, двери мне!»

Ну же, зови меня, милая, зверем,

падай на землю, замерзай насмерть, становись немой.

Тынемоймоймоймоймойнемой.

Я бы поднял тебя на руки, холодную, болотно бледную.

Беднаямоймоймойбеднаямойбеднаябедная

Я хочу, чтобы ты заблудилась, а я тебя — понимаешь? — нашел.

Александр Лысенко

Вена, Австрия

Поэтические города

Города на планете
Российской словесности
Возводят поэты
Заложники вечности,
– Как термиты!

Разнообразие жанров
Кружит голову,
Здесь и хрущёвки жалкие,
И поселки с гонором
– Элита!

Неземные палаццо
И углы модернизма
Не претят декадансу,
Была бы харизма
– Не пропита!

Вот город «Вознесенский»
С треугольными зданиями,
А вот центр вселенский,
Весь застроенный храмами –
– «Пушкин – Сити»

Вот село «Исаковский»
Сплошь одни палисады,
Город-сад «Маяковский»
И поселок «Асадов»
– Пииты!

Ну, а по мне
Разнотык, как в Нью-Йорке:
– Небоскребы поэм
И экспромтов задворки
– Позабытые!

Где строй всё, что взбрело,
Что пришло по наитию,
Где витрин стекло
Жжёт граффити
– Неотмытое!

И что понравиться может –
Здесь возводят проекты
Не для дешевого выпендрежа,
А под идеи конкретные
– Не избитые!

Феликс Гринберг
Нетания, Израиль

Паўскве
konokona

[illegible]

Инна Богачинская
Нью-Йорк, США

Нью-Йоркский ноктюрн

Я музыку ночи из улиц цежу.
Ступаю по дням деликатно.
Пломбирую память.
Скольжу по ножу.
А все остальное – за кадром.

Я перевожу переключки пустот
В заставленных прошлым квартирах
На вещий язык, что не выучил тот,
Кого мне на жизнь не хватило.

Ах, все как-нибудь разрешится само!
Когда опускаются руки,
Восходят глаголы
 глобально, как мост,
Что лег из Манхэттена в Бруклин.

А где-то – Садовые кольца звенят.
А где-то – Бульвару не спится.
Зовут, и пугают, и дразнят меня
Их полуразмытые лица.

Смещаются ребусы биополей,
И компаса стрелка сместилась.
Меняются акты – жалей не жалей.
Но память цепка, как бацилла.

Хранится в ней,
как драгоценный трофей,
Дом-милость. Дом-брат на Соборной.
В нем царствует женщина – фея из
фей –
Мой допинг и пункт мой опорный.

В бредовых бегах заглушаешь сигнал,
Мятущийся в джунглях подкорки.
Я жизни, выходит, зачем-то нужна,
Раз держит так смачно за горло.

Рассвет затевает интрижку с Луной,
Взяв снова реванш у заката.
Мы с городом этим в упряжке одной.
А все остальное – за кадром.

Виктор Клыков

ДООС – авторзавр
Вена, Австрия

Я – Ich*

*Стихотворение на
русском и немецком.

Авторская билингва

На озере Чад

*«Послушай... далёко на озере Чад
Изысканный бродит жираф»
Н. Гумилёв, 1907*

Однажды в делах перелётных
попал я на озеро Чад,
где где-то, со слов Гумилёва,
изысканный бродит жираф.

Увы, там не бродят жирафы давно,
а юноши юные в коке с утра,
кайфуя, стреляют в своё же вчера
в саванне на джипах, играя кино.

Нет больше на озере, озере Чад
романтики Африки, нежных жираф.
Лишь только война бесконечная там,
там радости нет ни чадцам, ни нам.

Из бронзы жираф у меня на столе,
и я вспоминаю о радостном дне,
когда мне их друг из Джамены привёз:
пару жирафов – в авоське он нёс.

29.03.09

Am Tschad-see

*«Hör' ... Am Tschad-See streift eine Giraffe entlang
Von seltener Schönheit ist sie»
N. Gumilew, 1907*

In Dienstreisen kam ich dank Zufall
zum Tschad, wo – so Gumilew –
«Am Tschad-See streift eine Giraffe entlang
Von seltener Schönheit ist sie».

Dort wandern seit langem keine Giraffen
Es kiefen im Rausch seit früh Junge
Bengel, auf Jeeeps die Savanne begaffend,
Schießen, Kino spielend verrückt.

Jetzt gibt es keine Romantik am Tschad
Keine feinen Giraffen in Afrika mehr.
Lange während der Krieg macht alles dort platt.
Nichts bringt Freude mehr den Tschadern.

Eine bronz'ne Giraffe schmückt meinen Tisch
Und erinnert mich an den freudigen Tag,
Als mein Freund mir aus Dschamena
Kunstgiraffen im Einkaufsnetz mitnahm.

Реликтовое озеро Чад находится в Центральной Африке на границах Нигерии, Нигера, Камеруна и республики Чад. В Европе о нем узнали со слов арабских путешественников Ибн Баттуты (XIV в.) и Льва Африканского (XVI в.), но посчитали их сообщения о «море» среди песков пустыми рассказами. В настоящее время озеро уменьшилось в 26 раз и продолжает высыхать, правда, это происходит уже в седьмой раз за последнее тысячелетие.

Фото озера Чад со спутника

Коллаж **Елены Кацюбы** специально для ПО.

Ирина Силецкая

кандидат социологических наук
друг ДООСа

Взрывается вечность

Небо померкло, тучи стеною.
Я тебе тайну сейчас открою.
Не бойся меня, не бойся правды –
Без нас с тобой не наступит завтра.
Нити сознания тянутся в вечность,
Сплетаются нити в клубок –
бесконечность,
Сжимаются в точку. Сейчас бы
взорваться,
Осколком в движеньи планет оказаться!

Взрывается вечность, осколки вниз
И на земле – градом на карниз!
Уже нет Вселенной, а мы еще живы!
Земля будет первой, а мы – вторыми!
Дома оседают в немом паденье,
Земля замерла в своем превращенье,

Деревья в изломе падают молча.
Землю отстроит новый Зодчий!
Реки прорвут бывшего плотины,
Руки порвут сети паутины,
Слово обрушится камнем в сознание.
Счастье возможно лишь в непониманьи

Среди развалин и камнепада
Выжить живому помочь нам надо.
Вскрикнет средь ночи птица спросонок,
Где-то родится новый ребенок.
Жизнь прорастет сквозь пепел снова,
Услышит ждущий ответное слово.
Прервем цепь законов развития мира,
И вновь человечество станет счастливым.

Александр Смирнов

Ярославль

Солнечная система

Природное, техногенное –
Всё где-то переплелось.
В тарелку системы солнечной
Стальная вставлена ось.
Хризантемой чайной январской
Кружится здесь Земля,
Среди прочих миров хозяйкой
Ощущая вполне себя.

Нет здесь света фонарей,
Лишь луна... И той не видно.
Звёзды – призраки огней
Канут в воду. Им обидно,
Что гореть, не зная сна,
Им всю ночь, теряя свет.
Пляж уходит в темноту,
Моря шум... Но моря нет.
Только новая луна
Заполняет пустоту...

Продолжение темы **ПО № 5 (38) 2012 г.**

Астероид.
Рисунок
**Константина
Кедрова.**

Сергей Главацкий

Одесса, Украина

16:47

Истерическая вьюга поднялась во всей Вселенной...
Откуда взялось столько снега?
Лучи превратились в лавины!..

Дуют северные ветры
Между звездами-планетами.
Снежные течения щедро
И бесплатно возят
Планеты по свету.

В снег, в катки обратились
Космические моря,
Овальные странники.
Пустыни-колокольчики
Рассыпались снежинками.

Над серой магистралью города –
Танцуют безумные матрешки.
Не останавливаясь, новые косынки примеряют,
Новые сережки...

Над серой магистралью, в небесах –
В белизне величественных дворцов без стен –
Стеклянная молния –
Прозрачной водосточной трубой
Из облаков и выше, и выше –
В стекле, в стене небес
Стеклянная молния,
Рогатая,
Красноватая, неоновая,
Изломанная диковинными зигзагами
И дивными трещинами в стекле –
Стояла чудным вселенским деревом,
Ритмически, синхронно зажигалась,
Вспыхивала красными вспышками,
Гасла в такт моему дыханию!

Пунцовые взрывы стекали ливнепадами
По трубе стеклянной молнии –
Всегда одним путем,
Одной дорогой.
Стеклянная молния стояла
Не преображаясь, как причудливый фонарь,
Как узор замерзших, скованных льдом артерий,
Как разлом во Времени,
Громоздятся пугалом
В беспокойном белом бурном
Припадочном небе.

Фотокомпозиция **Александра Лысенко** (Вена, Австрия).

Когда она загоралась, занималась –
Ее было видно сквозь метелицы, сквозь бураны.
Когда она хранила молчание, безмолвствовала –
На Земле ее не видели, не ведали,
Забывали сразу.

Еще слабее через порывы лавин
Было заметно
Два желтых, два янтарных светящихся кольца,
Вертящихся теперь вокруг Земли...

Громадная толща кипящего золота
Наброшена на земной шар.
Вокруг него вращаются
Два золотых кольца,
Звеня, сталкиваясь и шипя.

Два кольца золотых –
Северное и южное –
Чуть просвещались сквозь пургу...

Вьюга пронеслась по всей Вселенной
И через минуту принялась затихать...

Борис Лежен
Париж, Франция

Шлю вам репродукцию моей последней скульптуры «Магдалина». Бронза, высотой 1 м. 80. Уже год работаю над Распятием. Надеюсь раскрыть тайну обнаженности.

Вера Сажина

*

Они звали
в страну первозданного снега
Палочки ломали
от сухого костра.
(Денежки падали
Лыжи чертили
Жёлтое чёрное,
отказ.)

Сыпались железные
ключики
к дверцам
земных утешений
Чувства невзрачного
выражающего себя
через боль.

Они звали
в страну
летающих знамён
полотнищ огня
пересекающих кварталы
жизни
в Гуме
или в Думе.
Я боялась
ехать
путём
сверкающего стекла.
Я знала
отыскать
дорогу через
небесную радугу
через вихрь снега
летающий через дорогу
лес.

/12февр

«Взор во взор – и жгуче-синий
Обозначился простор.
Магдалина! Магдалина!
Веет ветер из пустыни,
Раздувающий костер».

Александр Блок.

Леся Тышковская
ДООС – стрекозабочка
Париж, Франция

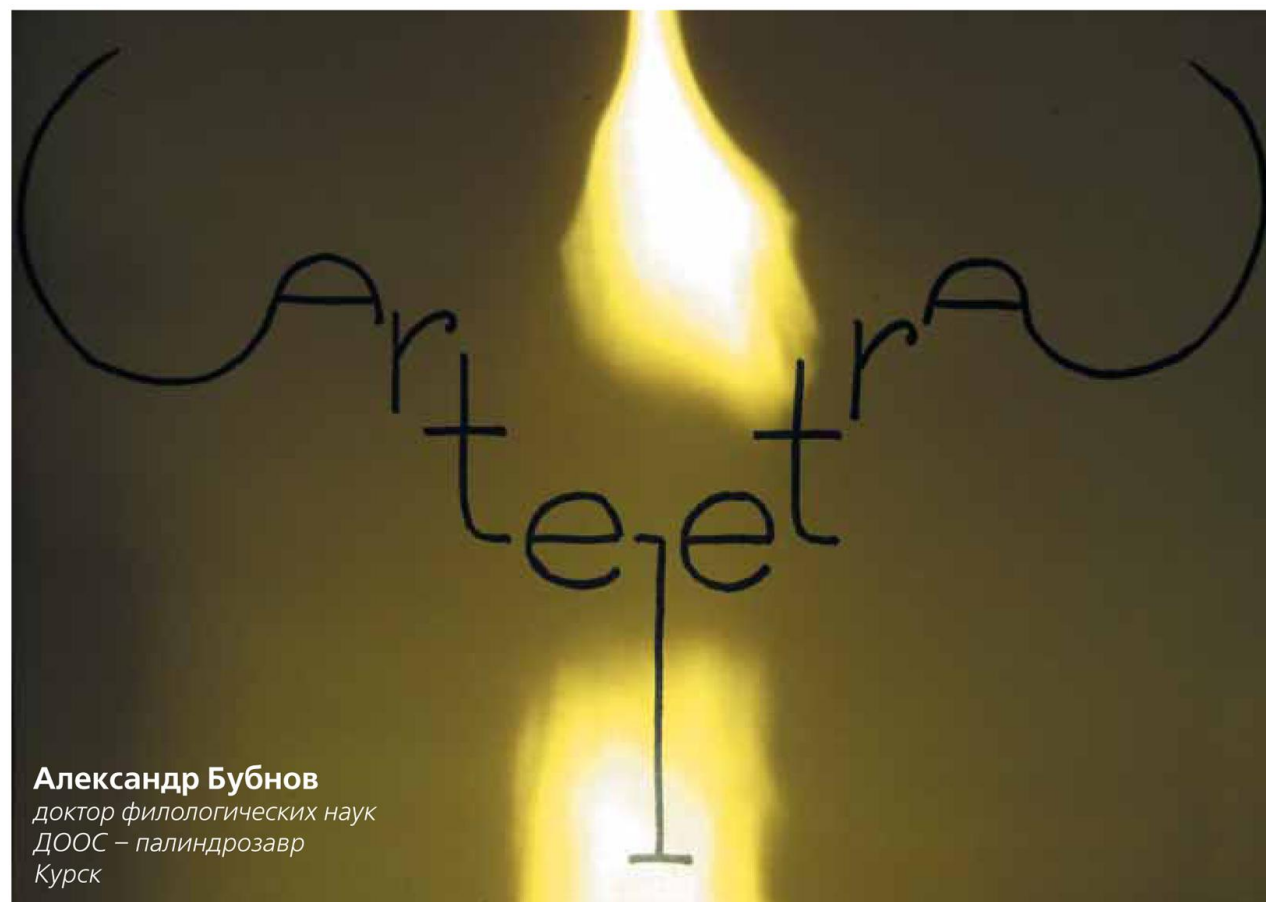
Тело танцует – душа плачет
Вопросы летят под колеса, не всхлипнув.
Любовь – это ласковый солнечный мальчик,
У него в колчане лучатся улыбки.

У него за спиной прорастают крылья,
он научит летать по-земному: низко.
Верный поклонник античного стиля –
обнаженного – он в остальном капризен
и ветренен.
Ветер улыбки срывает ...
Одна за другой стрелы сквозь небо.
В глазах озаряются надписи наскальные
первобытной религии, еще неисследованной,

где танец – и хлеб, и вино, и одежда,
где тело смеется, лучами пронизано.
Сливаются так совершенно и нежно
душа-недотрога
и мальчик капризный.

Кирилл Ковальджи
ДООС – кириллозавр

Сено. Солнце. Трава. Облака...
Голова легка и бездумна,
и сгорает светло и бездымно
городская сухая тоска.
На пологий взбирается склон
паровозик, пытая, что есть силы, –
старомодный и милый,
как дедушкин сон...
Смене медленно рады глаза –
тень вытягивают леса,
тень затягивает небеса
и шуршит стрекоза
электрическим тонким разрядом.
Вот и черная полоса
накренилась над садом:
ай, какая ударит гроза,
дунет хладом и градом!
Ливень,
вместо последних известий
пошепчи в непроглядной ночи...
Не бойтесь, стихи мои,
весьте
не больше, чем пламя свечи.

Александр Бубнов
доктор филологических наук
ДООС – палиндрозавр
Курск

Виктор Ахломов

ДООС – линзазавр

*«И увидел Бог свет,
что он хорош.
И отделил Бог свет
от тьмы».*

Бытие. 1. 4-8.

Фотографии
**Виктора
Ахломова.**
60-е годы XX века.

Небесный свет белых ночей

Светозавр – Светозар – дитя Светописи. Светопись – суть Фотографии. А Фотография без божьего света была бы невозможна. Её никогда бы не было, если бы не отделил Бог свет от тьмы.

Впервые «рисование светом» заметил великий Леонардо да Винчи, земной бог живописи. Расписывая небольшую часовенку в итальянском городке, он заметил как солнечный свет, проходя через круглое оконце, нарисовал на белой стене окружающий тоscanский пейзаж. Только вверх ногами.

Позже часовня с окошком трансформировалась в деревянный ящик с круглой дыркой посередине. Затем в дырку вставили очковую линзу для большей резкости, заметили светочувствительность бромистого серебра, изобрели пленку – так родилась Фотография.

Сегодня мы живем в мире, где доминирует изображение. Десятки тысяч людей занимаются фотографированием. Даже с помощью мобильных телефонов. Даже в разгар белых ночей в Петербурге. И самое удачное время для фототворчества ночью – это июнь.

Толпы туристов в полночь заполняют проспекты, площади и набережные города. Те, кто с фотоаппаратами, устраиваются поудобнее и ждут главного действия – развода мостов. Это величественная и незабываемая картина. Про белые ночи в Питере написаны десятки классических произведений. От

Пушкина с Гоголем до Блока с Вадимом Шефнером. Надо идти «смотреть, как одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса».

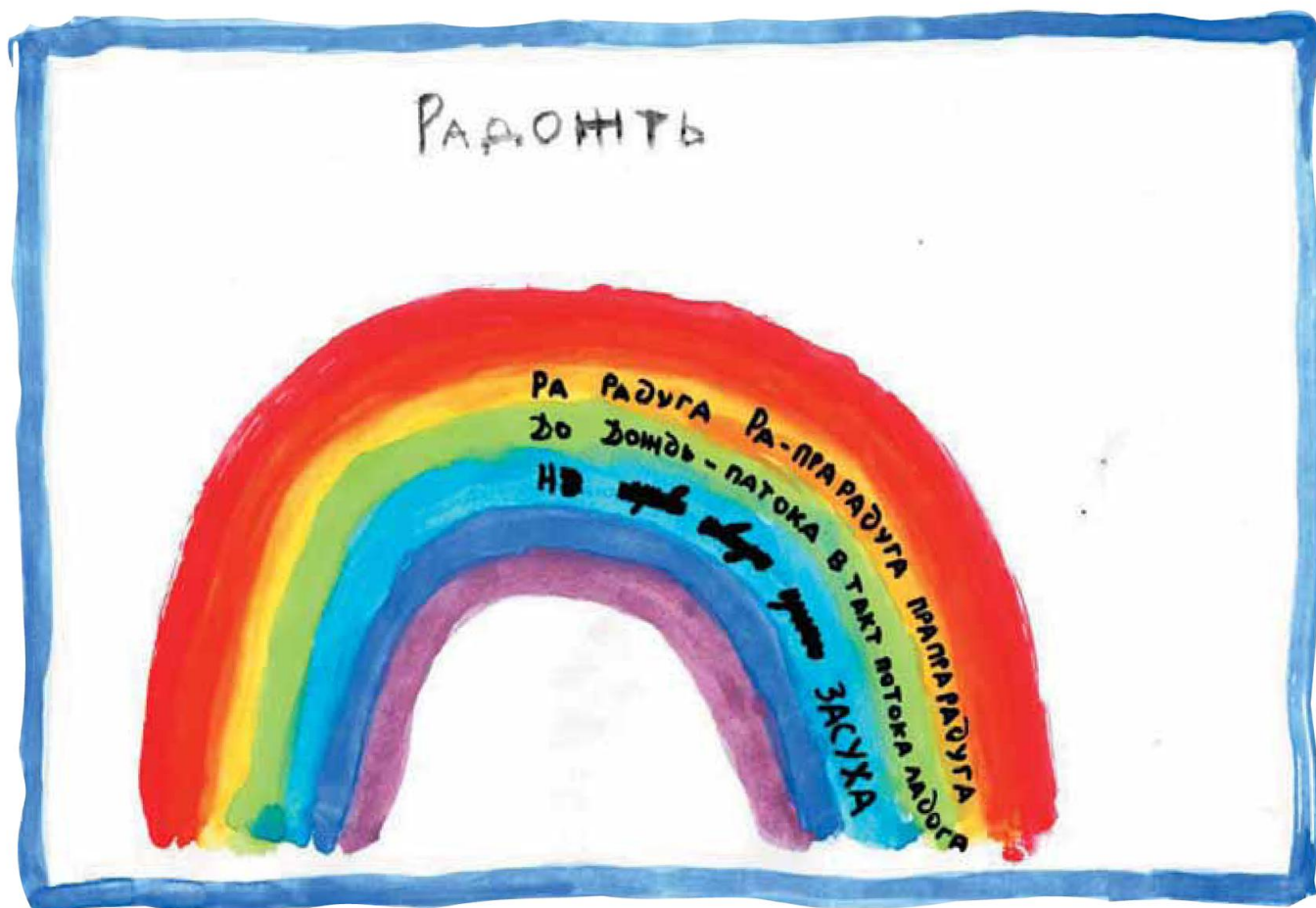
Увидеть или умереть! Строго, но справедливо. Увы, такова истина. Человечество может погибнуть из-за лени и нелюбопытства души и глаза. Умирание души может повлечь за собой и омертвление тела. Одно без другого не бывает! Все мы помним предупреждение Пушкина – «мы ленивы и нелюбопытны!» Наивно думать, что Поэт сказал это о каком-то одном народе или этносе. Хочется верить, что пророки думают всегда глобально. Эти слова Поэта были посланы всему человечеству. Сегодня они обретают новую актуальность. В эпоху мирового финансового кризиса и глобальной монетизации фотография как один из видов творческого процесса взяла на себя роль путеводной звезды, указывающей путь к выходу из опасной ситуации.

Почему фотография? Да потому что это самый простой и доступный вид творческой деятельности человека. Благодаря цифровым технологиям и интернету к спасительному источнику духовной жажды припали миллионы людей по всему миру. Творческой фотографией сегодня занимаются ВСЕ. От писателей и ученых до бомжей и президентов. Зайдите в интернет, и вы увидите там их спасительную миссию.

Белые ночи – ночи, в течение которых естественная освещённость так и не становится слишком низкой, то есть вся ночь состоит лишь из сумерек. Вблизи полярных кругов (с внешней их стороны) это явление наблюдается в период солнцестояния, в северном полушарии – в июне. Наиболее известным российским городом, где наблюдаются белые ночи, является Санкт-Петербург. В Санкт-Петербурге период белых ночей длится с 11 июня по 2 июля.

Эва Касански

Вот.
Луна.
Смеется
Над тонкой нитью Млечного пути
и манящим обручем колодца
златоголосой реки.
Поверхность воды в бликах гнева
в всплесках твоих шагов.
Звуки на все готовы
во след многоглазых драконов
сделать безумный прыжок.
Но окна закрыты, безвольны
не впускают они голосов –
четвероногих псов.
Видишь луна задета
сонным гласом реки.

....она среди мгновений
настигает нас.
как близка ты –
внепризрачное эхо-ночь.
молчи, притворщица, что ищешь ты?
что можешь ты найти
среди бессмысленности лиц?
....как идем мы...
...как мы солнце, беспризорны.
ты прочь иди, как солнце
близ нее бессмысленно мне вторить ночи,
мне
затворнице ее.
Не уходи. Останься.
Луч луны и прям и игрив.
Ты хотела смеяться
и солнца бояться
и бежать и прятаться
и скрываться.
Так много слов,
чтобы исчезнуть из мира.

Лоренс Блинов
ДООС – звукозавр
Казань

«Неевклидово пространство» в русской поэзии, или Еще раз о заумном языке

В 1913 году в литературной жизни тогдашней России произошло событие, которое сразу же стало своего рода вехой, или, лучше сказать, – разделительной полосой между тем, что было в поэзии до него, и тем, что еще только должно состояться, и на что событие это повлияло самым непосредственным образом. Один из представителей крайне радикального крыла футуристов Алексей Елисеевич Крученых опубликовал свое, сразу же ставшее скандально знаменитым, пятистишие «Дыр бул щыл...» Уже через несколько лет событие это, породившее феномен «заумного слова», стали сравнивать (быть может и преувеличенно) с открытием, сделанным Николаем Ивановичем Лобачевским в области геометрии, который оставив «земное – земному» (прежние постулаты великого Евклида), смело устремился в сферы иного, неевклидова пространства.

Во всяком случае, уже через несколько лет образы нового космического видения (равно, как и само имя Лобачевского) прочно утверждаются в художественном сознании поэтов-новаторов.

Так, ближайший сподвижник и соратник Алексея Крученых в деле становления футуристического движения – Велимир Хлебников (пробудивший в своих творениях целый мир «самоценного, самовитого слова», к тому же, серьезно изучавший труды Н.И. Лобачевского) в своей поэме «Ладомир» смело оперирует образами, отражающими идеи Лобачевского. Поэт заявляет, что «...творяне// Заменявши Д на Т,// Ладомира соборяне, <...> Долетев до неба Невского», способны уяснить себе «и чертеж, // И пространство Лобачевского».

Сравнивая подвиг «творян», созидających новое как в науке и искусстве, так и в общественном устройстве, он восклицает: «Пусть Лобачевского кривые// Украсят города// дугою...»

Новое «космическое» видение Слова (в том числе и в области так называемой «поэтической зауми») проявляет себя и в последующие годы. Геннадий Айги в своей вступительной статье к сборнику работ Алексея Крученых,

выпущенного к шестидесятилетию выхода в свет последней книги лежала в ключе беспредметности. Крученых в своем заумном творчестве «преодолевают барьер предметности», – утверждает Айги, – и продолжает словами создателя супрематического направления в живописи Казимира Малевича: «Мы, – пишет Малевич, – <...> вырываем букву из строки, из одного направления, и даем ей возможность свободного движения». Параллельность строк, – по его мнению, – нужны лишь «миру чинов-

Рисунок
Галины
Мальцевой
специально для ПО

ников и домашней переписки». «Мы приходим, – продолжает он, – к <...> распределению буквенных звуковых масс в пространстве» (подч. мной. Л.Б.).

Таким образом, константа традиционной поэзии (в этом свете) оказывается сродни константе параллельных прямых у Евклида. Тогда как заумие предстает как проекция неевклидовой геометрии в сфере поэтического сдвигологизма.

Алогичность зауми – есть выход за пределы актуального параллелизма в поэтическом

мышлении, рождающий возможность возникновения языка, неподчиненного универсальной системе поэтического пространства, где поэтическая мысль обречена двигаться параллельно словам и образам, порожденным конвенциональностью в отношении поэзотрадиции.

В зауми эти структуры преобразуются и выходят в иное измерение пересекаясь, подобно кривым Лобачевского, и в момент пересечения рожают искру, – разряд такой эстетической мощи, который пробуждает этические тенденции, равные по силе воздействия феномену праязыка.

Эти движения освобожденных фонетических структур способны неожиданным образом сорвать завесу сакральности истинной поэзии, позволяя обнаружить в конце концов (даже традиционно ориентированному художественному сознанию) в бывшей имманентности «затасканного» слова его (глубоко скрытые до этих пор) внутренний смысл и чарующее звучание.

Если М. Хайдеггер противопоставляет «деформированный грамматикой» (т.е. логически упорядоченными грамматическими построениями) язык (который, кстати, он называет «неподлинным») – языку поэзии, то язык поэтической зауми может быть противопоставлен банальному языку расхожей стихотворной продукции, где часто форма и содержание так параллельны друг другу, как принцип «дважды два» параллелен самому себе в своем непрерывном результате.

Однако, конечно, ни интенции хайдеггеровской феноменологии, ни утверждение другого философа – Жюль Делеза – о том, что «не следует рассматривать слова, как универсальные понятия» – все это не является отказом от понятийного мышления вообще. (Ведь даже «Крученых, говоря о поэтике зауми, оперировал определенными общепринятыми понятиями). Это, лишь, возможность понимания того, что не всегда соотношение между вещами и понятиями может быть построено на закреплении их однозначного смысла.

Напротив, сознанию, в подобном случае, открывается область, где действуют такого рода иррациональные языковые структуры, которые способны вызвать «распределение сущности», ее растворение в «пространстве однозначного смысла», структуры, способные пробудить не-

Аркадий Перенов

Улан-Удэ

«Парень со слоновым затылком и нежными и добрыми громадными неловкими ушами Хлебников и Маяковский»

Пастель. 29 декабря 2011 г.

кий «романтический бунт», подобный взрыву «безумия», неподвластному какому-либо логическому контролю.

С возникновением «мира заумия» поэзия уже не может опираться только на платформу концептуального мышления, пронизанного принципом тотального рационализма. Здесь даже и такая форма создания поэтического образа, как метафора, является недостаточной, и потому неофутурист Константин Кедров выдвигает такое понятие, как метаметафора, которое расширяет перспективу поэтического видения, расширяет до тех пор, когда мы внезапно оказываемся в ином пространстве, с иной – зеркально противоположной – системой координат. Происходит явление, которое Кедров обозначает как «выворачивание», или «инсайдаут» («Небо – это ширина взгляда // Взгляд – это глубина неба». К. Кедров «Компьютер любви»).

Подобного рода инсайдаут и представляет собою заумь – вся целиком, уводя семантику обновленного метаязыка в неевклидову область поэтики. «Заумь – это нечто совсем другое по сравнению с существующим языком, переход в новое измерение» (В.Н. Альфонсов. Вступительная статья к сборнику «Поэзия русского футуризма». – СПб, 2001). При этом, смысл поэтического высказывания движется здесь по кривым этического пространства, постоянно пересекая напругенные дуги эстетического зона, пронизанного звуковыми ассоциациями, которые сродни, в своем фонетическом звучании, музыкальным явлениям соответствующего свойства.

В результате, заумная поэзия не является просто литературой, но вторгается в такую сферу духовных вибраций, когда она напрямую сообщается со вселенной онтологического смысла музыкального порядка.

Перефразируя высказывание Дерриды о философии, можно сказать, что подобного рода литература «черпает свои резервы в лингвистической системе, организуя, напрягая и изменяя ряд тропологических возможностей, более древних, чем само литературное слово».

Заумь поэтом является отнюдь не бессмыслицей (не без-умием), но открывает свой собственный смысл в заументальном пространстве со своим собственным онтологическим статусом.

Ганна Шевченко

ДООС – пчела

рыбка моя рыбка

у моей рыбки
чешуя как у сибирской кошки
я глажу её по шёрстке
ах рыбка моя рыбка

она мурчит
и прячется под мой зонтик
потому что сегодня
мороз и немного солнца

и день вообще чудесный
а кто-то ещё дремлет
пора же проснись
слышишь

ах рыбка моя
рыбка

большие и круглые
белые киты
плывут в океане
каждый в своем направлении
иногда встречаются
радуются
пытаются обняться
но ничего не выходит
они отталкиваются как мячи
большие и круглые
и плывут дальше
каждый в своем направлении

Тихон Чурилин
(1885 – 1946)

В 1918 году Тихон Васильевич Чурилин задумал издание поэтической книги «Льву – Барс» (где Лев – Лев Аренс, друг поэта, а Барс – сам Т. Чурилин), но книга была сокращена, получила заглавие «Вторая книга стихов» и вышла в 1918-м году в издательстве «Лирень». Не вошедшие в нее стихи вместе со стихотворениями следующих трех лет составили «Третью книгу стихов», которая сохранилась в рукописи, но так и не была издана. Ниже впервые публикуются четыре стихотворения из «Третьей книги стихов» Т. Чурилина.

Вступление и подготовка текста –
Денис Безносков

Утро вслед

Льву Аренсу

О небо овен невеселый
Вселясь за облак, ударил.
Уд-Царь – стволом в новосёло,
И в небо и в небыль – звук дарит.

И потекло стекло денное
Вечернюю речь чересчур очурая.
И дево ведет хозяйство стенное
Дочь земного чу! края.

Дерева, деревья вередят и поют.
И росы серые от утра
Утеряют огонь ночной, дают
Тогда оусушь мудро.

1920. VII
День, у Льва

Взем зиму

Хо! Лодь-отлетая от льда летит
Тления тень, синяя, о золото!
В золы, в голые логи летит титлы,
В твой голубой и горозный холст-холод.

Дологи, о, гибельные струи
У рта – а, трубы нёба, не бай, – молк.
К дому льда приготовьтесь струги,
Белый, лебедями, лебедями взвейся полк.

И запоем поемный луг –
Гу! угрызенное холодом море.
И гром моряной явь новый дух –
Худощавый удых лемурий.

28/X. 920

Всхрапом в ночи,
О чьи чересчур ручьевые,
Воолны воды воздуха речи
Огорчат персты ручьевые.

Холод да лот да лат лета
Кинул и в кость и в кисть
Рук куриных худо бледо.
И блюдо ближнее темное листьев

Вдрожь, как жердь ордяную горива,
Врождь в твердь ольдяную окрыва.

26-VI-1921

Пред морем мор

Софии Прегель

Лодь-дол до льда-грохот
Ветров – рёв вервьвя и вербо бурь.
Рубахи, рубахи коротких холк
Волн – и соолнце мутные жмури.

И холодная моолнья жжёт
Живот воопухшего пска.
Песче, с чем твоё тело живет?
– Травы огромные вставы.

Лююлюбовь! и бровь воробыиной ночи
И гу! чугуне накипавшего моря.
О, рябь и мир в черепках – но чин
Вееетров и рва травы – а, выя моря.

23-24 IX. 920

Надежда Сарсадская

Не зажигай свет, не буди темноту, не проверяй ключи,
Они надёжно укрылись в кармане.
Здесь я без тебя сплю на плоскости бывшей кровати.
Я – бывшее пламя свечи, ты меня не дочитал, бросил на полглавы последней в романе.
Может, откроешь потом, несколько лет спустя, вру себе, знаю прекрасно, что вряд ли
Я по рукам и ногам прикрепленна к земле,
Гнилые пути дрожат, взвиваюсь воздушным змеем
Как поэт над стихом, бьюсь над тобой, как бешеная волна бьюсь об тебя
Знаю, что не уцелею.

Татьяна Виноградова

День ангела

Я не люблю своих старых стихов.
Я их вычёркиваю
из записных книжек,
как людей,
и они немотствуют, исчезая,
извиваясь и прорастая, превращаясь –
во что? Я не знаю.
– Неважно.

Ангел-Логос расправляет древние крылья,
багровые с просверками.
Ангел-Логос выходит на дневную охоту.

Я зачёркиваю стихи,
и они шепчутся и шелестят в тишине,
а потом исчезают,
оставляя лёгкое сожаление
и чистые листы памяти.

Ангел-Логос, ты беззащитен и всемогущ,
зачем же ты
пикируешь на меня?

.....
О, мне знакомы твои повадки –
улыбаясь, ты бросаешь тех,
кто пытался тебя изменить,
а потом пытался изменить тебе.
Они не знали, мой ангел,
что изменить тебе, увы, невозможно.
«О, я знаю твои повадки... –
я шепчу, превращаясь и исчезая. –
Но сейчас не хочу, не надо!..»
– Неважно.

Ангел-Логос прокатывается над городом,
подобно грозе.
Он невидим для всех, кроме нас,
сочинителей странных стихов.
Он обречённо спокоен.
Он знает, где цель,
и эта цель – мы.

Старые мегадеревья
тянут к нему злые сучья.
Небо расцвечено алым
в честь смертоносной любви.
Молнии строчек сверкают
в огромных багровых крылах...

Скручено небо, как свиток.
Ангел-Логос бесстрастен.
Глаза его наблюдают –
ад? рай?..
– Неважно.

Ангел-Логос уносит поэтов туда.
где их новых стихов жадно ждёт
бессловесность пространства.

А потом он вернётся
и снова, невидим для всех,
начнёт дневную охоту.

...И лишь девочка, в небо глядя, воскликнет:
– Мама, мама, смотри – ангелочек!
Он сияет! Сияет!..

1996, 2010

Курт Марти
Берн, Швейцария

гелиолалия – речь к солнцу

1

солнце
вулкан
который извергает без меры
материю огня и света
пламенный облик почти
истекающего божества

2

солнце
слепо
расточает себя
на добрых и злых –
ежедневный упрек нам
покуда не всем
кто живет
отмеряно
место под солнцем

3

солнце
рождение и возрождение
тела
и его разума
на пути
тепло дышащей плоти
вопреки
наплыву
стужи
и ночи

4

солнце
и его сладострастный
триумф
в зелени трав
они похотливо повсюду
восходят к свету:
из могил даже
сочно
и бесстыдно

5

солнце
говорит прокл
демиург чувств –
родитель всего живого
я бы добавил
и высокий учитель любви
оно превращает
тепло в мудрость
силу в нежность
страсть в озарение

6

солнце
оно ежедневно
день
за днем приносит
еще и надежду
на лучшие дни
если
нынешние еще
не причислить к лучшим

Обращался к солнцу по-русски
Вячеслав Куприянов

Полина Слущкина. Картина «Танцующие человечки».

Марианна Кияновская

Львов, Украина

Обнаженность ковчега, в котором живешь, мечтая,
То моя обнаженность, что в доме твоём настала.
Мы с тобою ступали по облакам, проступая, –
Туча в небо вросла, туча корни пустила, растаяла...
Но остались винные грозди – с виною некою.
Мы допили вино и уснули – чтоб уж не спать.
Умоляю, скажи своему Черному Человеку,
Что со мной моя Черная Светлая Божия Мать.

Время, если время существует,
Время всех времен и иже с ним,
Только роза, сорванная всею
Богом бесконечно молодым.
Он – проистекает. Течью точит
Монолит проточная вода.
Как живое тело – кровоточит.
Всенаникогда. Всенавсегда.

Таинственные мы – меж снами и неснами.
Ты был со мной, упав устами на уста –
И мы сбывлись вдвоем. И оставалась с нами
Небесных островов святая нагота.
Печать – отметив нас – прожгла, как все печати,
Наполнив, изошла, испепелив дотла.
В далеком эхе мы – начавшись, не зачаты.
Мы – в небе острова, мы – звезд седая мгла.

Перевела с украинского

Екатерина Поляничко

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус (Париж, Франция)

«Сыграй, кузнечик, сыграни,
Мой акустический кузнечик,
И в этих музыках вкуснейших
Луга и август сохрани...

Сыграй зеленый меломан.
Роман наш оркестрован грустью,
Не музыкальная игрушка,
Но тоже страшно поломать.

И нам, когда мы будем врозь,
Дрожа углами ног нездешних,
Приснится крохотный кузнечик –
Как с самолета Крымский мост.

Сыграй, кузнечик, сыграни...
Ведь жизнь твоя еще короче,
Чем жизни музыкантов прочих.
Хоть и не вечные они».

Андрей Вознесенский

Надежда Агафонова

Николаев, Украина

Авторская билингва

Стих на украинском и русском

GOOGLE

Мое місто схоже на google.com.ua
із двома кнопками —
«Пошук» та «Мені пощастить».
Щоразу, як натискають одну із клавіш,
у кишені брязкає телефон.
Хтось відзивається —
я чи «ключове слово»,
яке насправді теж Я.
Тільки нікому про це не здогадатися.
Окрім тебе —
людини, яка одна-однісінька в місті
вірить тієї миті,
що їй пощастило.

GOOGLE

Мой город похож на google.com.ua
с двумя кнопками —
«Поиск» и «Мне повезёт».
Всякий раз, когда нажимают одну из клавиш,
в кармане звякает телефон.
Кто-то отзывается —
я или «ключевое слово»,
которое на самом деле тоже Я.
Только никому о том не догадаться.
Кроме тебя —
человека, который один-единственный в городе
верит в тот миг,
что ему повезло.

Анатолий Кудрявицкий

ДООС – прозостихозавр

Дублин, Ирландия

Из цикла «Зву-чары»

Свет луны

свт лны
чрнватый
пчкает стны дмов
очер нова
евро чава
гродок нзвається
Шхты

чуть улыбается
Солнце
айсберги
теплочеуево
летомечтаево
невоплаво
плавилево
тают
с верхушек

на подвесном мосту
замер поезд
скртч скртч
змр пст
стрекохут
судачат
куз
не
ч
к

Свет

На каждые восемь человек приходится один лунный луч. Самоубийства и заболевания глаз порой нарушают эту пропорцию. Конечно, подпотолочные ангелочки с серебряными крылышками несколько подбавляют света, и то же делает птица Феникс, периодически одевающаяся пламенем на потеху потерянных поколений. Но самое грустное – что сдавая на склад использованные телесные оболочки, какой-нибудь блюстителю вневременного порядка нет-нет да и забывает извлечь из них внутренний свет.

Затмения

Затмения бывают персональные и коллективные. Первые хорошо различимы невооруженным общественным глазом. Со вторыми сложнее. Их можно видеть в закопченной до черноты газете через разбитое оконное стекло. Главное же, что рано или поздно солнечный свет государственной истины неодолимо воссияет.

Аглая Соловьева

Киров

Цветет черемуха.
Июнь тихонечко поет в миноре.
Меня остановила в коридоре
Соседка снизу. Говорит полезные слова,
Я слушаю в одну восьмую слуха.
Простите меня, мудрая старуха,
Я влюблена. И слов не слышу
Пойду колени обдирать по крыше
Воображая голое плечо
Зачем мне знать, когда так горячо.
Зачем Вам говорить, когда плывет.
Когда так тихо.
И. Черемуха. Цветет.

У меня есть коробка.
Я зову ее дом.
У меня есть пуговички,
Я зову их глазами.
У меня три пуговички,
одна в кармане.
У меня есть красное платьишко,
Я зову его красотой,
Я читаю в нем книжку,
И надеваю в субботу на праздник твой.
Я думаю, что праздники – это неплохо.
У меня есть Йохан,
Я зову его Любовь.
У меня есть кукла,
Я зову ее Йохан.

.....

Сьюзан Би

Нью-Йорк, США

Идиллия в зарослях

Гуашь, акварель,
карандаш, чернила,
коллаж на бумаге.

Феликс Филипп Ингольд

Цюрих, Швейцария

Из всех причин самая лучшая –
последняя. Если б существовали другие миры,
там все было бы как здесь – потому что
любой мир – это единственно возможный.
Каждый из нас живет в реальности. И все вещи
хотят быть разнообразными и красочными. Это
не удивительно. Невозможное вскоре становится
привычным. Иногда слышишь: «и целого мира
мало». Что уж говорить про
чью-то жизнь? Например, про эту?

Из цикла «Пропетое»

Эта роза
затемняет полдень. Красота
сумерек. Мне тоже
предстоит угаснуть.

Свет – агония
ночи. Нет дня
без рассвета. Мы всегда
доступны для чтения.

Нашли причину немецкой
розы и света в русском языке
Анатолий и Юлия
Кудрявцевские

Вилли Мельников

ДООС – лингвозавр

Стих на языке оахака
и перевод на русский

...Изребрлся мой день — и спотыкается
о его ступени ночь... Кто сумеет срубить
сердцевину солнца отдельно от коры до-
ждя?.. Тучи растают быстрее, чем из них
секиру выгесать успеете. Пламя-молчание
её испеплит скорее, чем закалится она. Не-
разделивень сплавит святилище со вздохами
тех, кому не хватило раскрошившихся
лун дойти до него... Всинённая в горизонт
ржавчина не привыкла зеленовато проигры-
вать в поединках с оттенками искривлён-
ностей непреодолинии горизонта, древесно
вычерневшейся из насмешливых скал,,, Но
они — сгущённые оттирания вдумий от
усталости болей: их возьмут с собою отпле-
ски побоявшихся пряно пересыхать озёр,,,
,,Один мой знакомый храм по недосмотру
эха апсидных арок оглох к собственным
колоколам. Использую их как чаши: налив
в них отвар из вспламий пред-ликовых све-
чей, несущего храму — скорее выпей болеу-
толяющее от ханжества прихожан!

.....

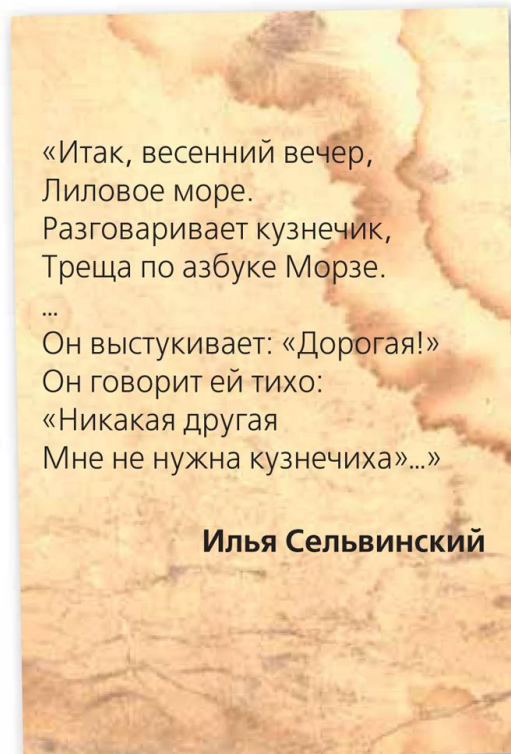
Марина Левина

И ты открываешь дверь — ты уже на пороге.
Дорога бежит куда-то, кончаясь дымкой.
У Будды сто жизней. И если он в Йемене не был,
То может не торопиться — еще не вечер.

И ты не торопишься тоже: хорей, анапест.
Идешь, спотыкаясь в ямбы, почти не глядя.
Зачем же смотреть, как отрывают крылья
Мальчишки бабочке желтой... Мнемозине?

Ты выпит до дна через соломинку Геры —
И что не давало покоя дамочке этой?
Сто жизней она не имела, однако — вечность.
Но можешь не торопиться — еще не утро.

Бескрылая бабочка станет куколкой снова.

«Итак, весенний вечер,
Лиловое море.
Разговаривает кузнечик,
Треща по азбуке Морзе.

...
Он выстукивает: «Дорогая!»
Он говорит ей тихо:
«Никакая другая
Мне не нужна кузнечиха»...»

Илья Сельвинский

Герман Виноградов
ДООС – огнезавр

Зияя и Я-Я

Хря-хря обновляя
Карета побрита
Корыто воспето
Зимою и летом
Зияя и Я-Я

Науквазибуква
щ-щ кукареква
Листом и зиготой
Углём и гагатом
Нелицеприятна
Науквазибуква

Бед а БЕ-БЕ лично
Меня МЕ-МЕ срочно
Космополитично
Е-Е непорочно
Задумала встречно
КУ-КУлинарчно

Чикаго и гага
Лосось накость фикусь
Затось егось прикус
Ягусь пистолетом
При том и при этом
Лисадо мossaдо

Москва да листьва да
Морозко да леска
ЧЕ-ЧУ-ЧИ-ЧИ-ЧИ да
Зияя и Я-Я
щ-щ кукареква
Науквазибуква

Игорь Ревякин
Специально для ПО

Анна Харитоновна

УЖАС ТИХ

Дело уж не в том,
что Уж не в том.
Дело уж не в этом.
(Хоть Уж по-прежнему не в том.)
Дело в том,
что Уж не в том этом.
И это обидно!
Но даже не в том дело!
Просто, не к месту это всё...
Вот другие ужи в том,
в чём надо.
(Хоть утверждают, что это всё – так, пустяки!
И дело, конечно, не в том.)
Однако кого ждёт успех?
Это не дело.
Уж, переоделся бы!

18 апреля 2012

Евгений Степанов

кандидат филологических наук
друг ДООСа

Современный русский мужчина

Современный русский мужчина боится.

Современный русский мужчина боится, что девушка не придет.

Современный русский мужчина боится, что девушка не даст.

Современный русский мужчина боится, что у него не встанет.

Современный русский мужчина боится, что он подцепит птичью болезнь.

Современный русский мужчина боится, что девушка забеременеет.

Современный русский мужчина боится, что девушка оттяпает у него жилплощадь.

Современный русский мужчина боится.

Он бежит по просторам больших городов трепетный, как лань, и пугливо озирается по сторонам.

А девушка, как кровожадная охотница, бежит за ним и кричит:

– Врешь – не уйдешь!

До свидания

стринги лифчики эротика ротика языка чистые простыни домашняя пища глаженные рубашки попытка договориться невозможность договориться нервные менструальные синдромы борьба полов как борьба миров и выдуманный закон инь-ян и цетера я говорю вам до свидания ариведерчи гудбай чао нет человека нет проблемы

Рисунок
**Галины
Мальцевой**
специально для ПО.

«Лето – это время года, когда очень жарко, чтобы заниматься вещами, которыми заниматься зимой было очень холодно».

Марк Твен

.....

Виталий Кузнецов

Северомуйск, Бурятия

хочу рассказать...

Я хочу рассказать вам,
собаки мои,
Про свою непростую судьбу:
Ву-а-ва, ву-а-во, ву-а-ву, - ву-а-ви;
Ву-а-ва, ву-а-во, ву-а-ву-у.
Что же делать? Я – зверь?!
Не о том я мечтал!
Вить мне с вами теперь!?
Это ль в жизни искал?

В глушь, вдали от родных,
Я забился от всех;
Я собачий язык разучил.
...Есть успех!

Басня про Моль

Весна. На улице тепло.
От инея оттаяло окно.
В шкафу сожрав всё шерстяное полотно,
Моль встала на крыло.

Вот в приоткрывшуюся дверь,
Что перекошена от сломанных петель,
Летят Молята, как метель.
Не все вернутся без потерь.

Опасность ждёт у потолка.
Людей тяжёлая рука
Почти что бьёт наверняка,
Хлопок в ладони, и пока!

Ждала сыночка мама Моль,
Душа скрипела, как о струны канифоль,
Взывала к Господу: «Хотя б позволь
Коль нету силы долететь,
он спрятался б в консоль».

Но ошибалась мама Моль,
Напрасно плавя канифоль,
Не полетел он прятаться в консоль,
Ведь по душе ему пилота роль!

Вираз! Пике! Ещё вираз!
Какой типаж! И дух захватывает аж!
То не мираж, поймал кураж!
то в штопор затяжной и на форсаж!

Вернулся сын на бреющем полёте.
Чешуйки облетели с крыльев, хвост
в лохмотья.
Стучит «мотор» как пули в пулемёте,
Вы если не пилот, то не поймёте!

Рыдает мать, из глаз струятся сантименты.
От всей родни приходят комплименты.
Отдала б много за такие вот моменты,
Ведь даже у Людей сынок сорвал
аплодисменты!

Мораль: Не всё бы только жрать и жрать,
Коль Бог даёт – то надо полетать!

Антип Ушкин
Владимир

Вода

«Что тебе нравится?» – «Мне нравится вода,
текущая неведомо куда,
неведомо откуда, для чего...»
«Не продолжай, я понял, H₂O».

«Да нет же, нет! Мне нравится вода,
текущая неведомо куда,
неведомо откуда и зачем...»
«Так и скажи: река или ручей».

«Да нет же, нет! Мне нравится вода,
текущая неведомо куда...»
«Я понял, понял: это ты о жи-
зни нашей, правда ведь, скажи?»

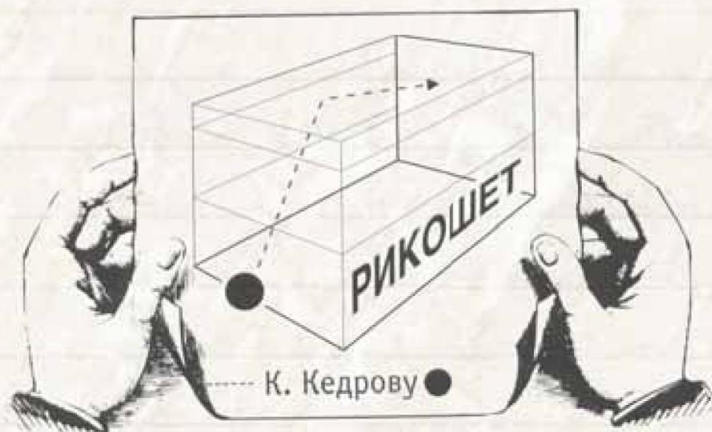
«Да нет же, нет! Мне нравится вода,
текущая неведомо куда,
в себе не ощущающая льда,
не знающая, что она вода».

«...герой мой – полевой кузнечик!
Росту небольшого, но продолговатый;
На спине носил он фрак зеленоватый;
Тонконогий, тощий и широколобый...
Был он сущий гений – дар имел особый:
Музыкантом слыл он между насекомых
И концерты слушать приглашал
знакомых...»

Яков Полонский, 1859

«На проблемы
плюнь, впереди
июнь!»

Здравствуйте, Константин.

Я прекрасно понимаю, что у Вас нет ни времени, ни желания читать все то, что Вам присылают. Но я обращаюсь именно с такой просьбой. Пожалуйста, прочтите отрывок статьи (это займет у Вас не более 5 минут) и ответьте мне буквально одним словом – «да» или «нет» на мой вопрос – правильно ли я понял и применил термин «инсайдаут»? К кому, как не к Вам, с этим обратиться.

Дмитрий Смелов

Мыслиричность дуализма

Фрагмент

Вспоминается бессмертный «Гамлет» Шекспира (по памяти, пер. Б. Пастернака):

«Заключите меня в скорлупу ореха и я буду чувствовать себя повелителем вселенной!»

Попробуйте-ка осмыслить! Можно предположить, что вся вселенная сузится для Гамлета, заключенного в скорлупе, до объема ореха, повелителем которой он и будет себя ощущать; а можно рассмотреть подобную ситуацию и с точки зрения современной поэтической концепции Константина Кедрова «выворачивание» или «инсайдаут»:

«Выворачивание. Ключевой термин метаметафоры и метакода. В докторской диссертации и в книге “Поэтический космос” дополнен термином “инсайдаут”. На самом деле процесс выворачивания наизнанку - это лишь образ, дающий возможность почувствовать и понять момент исчезновения внутреннего и внешнего. Так весь космос, внешний по отношению к человеку, ощущается и воспринимается, как свое тело, своя душа и даже свое нутро. Одновременно свое тело и свое нутро оказывается внешним по отношению к вселенской метagalктике, как бы полностью охватывает ее. Далекое близко. Близкое далеко. <...> Каким образом гигантский космос становится внутри столь малого объема тела, а столь малый объем тела распространяется на весь космос? Чтобы понять это,

легче всего прибегнуть к аналогии: даже ничтожно малый мячик для пинг-понга, выворачиваясь, вместит в себя всю вселенную, ведь его внутреннее пространство в какой-то миг станет внешним, а все внешнее пространство космоса войдет в него».

Первый вариант трактовки слов Гамлета мне кажется не по-шекспировски мелким и отдает неким примитивизмом, что вообще несвойственно Гамлетовым речам на протяжении всей трагедии. Тогда как инсайдаут не просто объясняет смысл «странной» фразы, но раскрывает всю ее глубину. Кто скажет, что «Гамлет» – не гениальная трагедия и не является поэзией? Никто. Однако:

«... Шекспиром мы привычно восхищаемся, но его трагедии смотрим уже без слез, а комедии с раскатисто-ренессансным хохотом актеров идут при гробовом молчании зала» (Т. Мальчукова «К 200-летию со дня рождения Пушкина»).

Я разделяю мнение Татьяны и мне сложно представить современного читателя рыдающего над «Гамлетом». Но – гениальная трагедия.

За полтора года до знакомства с метаметафорическим «выворачиванием» К. Кедрова и за два года до того, как прочел «Гамлета» я написал такие строки:

Кофе. Окно. И стих.
Окна всегда окней
если смотреть из них,

а не снаружи на
окна. Земля. Страна.
Зона – окружена
стенкой. Она стройна

столь, что в том нет клише,
заперт кто сей стеной:
я – миром, или же
мир огорожен мной.

Как и Гамлет в ореховой скорлупе, я чувствую себя «повелителем» вселенной и говорю о своего рода дуализме: мол, это с какой стороны посмотреть, кто заперт, а кто свободен – я или весь остальной мир. Для понимания чего, как нельзя лучше подходит термин «инсайдаут»: я заперт – я свободен – я запер.

Дмитрий Чирказов
Дюссельдорф, Германия

Словесные палиндромы

Отставший от стаи

Крылья устали –
без удержу бегу на стаю,
но
стаю на бегу – удержу без
устали крылья.

Заря
занималась
любовью
с ночью.
Ночью с
любовью
занималась
заря.

Весну свою
в любви полон
возьму,
полон любви в
свою весну.

– Поэт, стих
осени словами! –
со словами осени
стих поэт.

Дом засыпает тихо
снегом, под снегом
тихо засыпает дом.

Место под солнцем

Слепят сильных век слезы,
знаком под солнцем года силуэт.
Года солнцем под знаком слезы
Век сильных слепят.

Татьяна Бонч-Осмоловская
кандидат филологических наук
Сидней, Австралия

Июнь у антиПОВ

Фотография Татьяны Бонч-Осмоловской

В июне в Австралии холодно. И хоть и не тропический сезон дождей – мокро. Эвкалипты стоят буро-зелёные, как обычно, а небо то голубое, не отличишь от лета, а то дождь как зарядит на несколько дней, так и идёт – словно холодный душ открыли на полную, и хочешь – стой, хочешь – беги. Куда прячутся птицы в такое время – я не знаю. Но в просветы погоды, когда в парках подсыхает, так что и велосипедисты на дорожки выезжают, и дети залезают на турники, птицы тут же появляются – оголодавшие без подкормки за несколько дней. Тут все слетаются, какаду во всех их разновидностях, радужные лорикиты, пеликаны, чёрные лебеди... Хорошо, когда лорикиты как ковёр у ног собираются. А какаду? Удивительное ощущение, когда на тебе сидит несколько крупных птиц, на голове, на плечах, на обеих руках, и еще десятки бродят или летают вокруг, забирая хлеб из твоих рук. Аккуратно забирают и, удерживая одной лапой и балансируя на другой, откусывают, не слезая с плеча. Вот только скосишь глаза в одну сторону, в другую, а там клювы!.. Впрочем, какаду – это еще птенчики по сравнению с пеликанами...

Внимание!

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал ПОэтов можно:

- во всех почтовых отделениях;
- в подписных агентствах и их региональных представительствах

Стоимость подписки на 1 месяц:

88 руб. 00 коп.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС: 81745

В Объединенном каталоге
Пресса России (том 1)
«Журнал ПОэтов» на стр. 265

Ж У Р Н А Л

№ 6 (38) 2012

ЭТОВ

«Журнал ПОэтов»

Учредители

ООО «Эхо планеты», Константин Кедров, Елена Кацюба

Идея журнала и творческая концепция группа ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) при участии Русского Пен-клуба, Факультета Поэтов и Философов Московской академии образования, при поддержке Региональной общественной организации «Центр современного искусства»

Главный редактор

доктор философских наук
Константин Кедров

Директор издательского проекта
кандидат исторических наук
Эльмар Гусейнов

Редакционный совет

Е.Кацюба (ответ.секретарь);
В.Ахломов; С.Бирюков — доктор культурологии (Германия);
А.Бубнов — доктор филол.наук; профессор В. Вестстейн (Нидерланды);
А.Витухновская; А.Городницкий — доктор геолого-минералогических наук;
К.Ковальджи; А.Кудрявицкий (Ирландия);
Б.Лежен (Франция); В.Нарбикова;
В.Рабинович — профессор Института культурологии

Арт-директор — Игорь Маркин
Макет номера — Елена Кацюба

На 1 стр. обложки
рисунок Галины Мальцевой.
На 4 стр. обложки
фото Елены Кацюбы.
Кузнечика и бабочек нарисовала
Кристина Зейтунян-Белоус.

Перепечатка материалов только
с разрешения редакции.
Тираж 2000 экз.

Цена свободная.

Номер подписан в печать 20.06.2012

Отпечатано в ООО «Графика» в Москве.

Адрес редакции

125009, Москва, Тверской бульвар, д.12 стр.1

Телефоны:

(499) 791 0398 — для справок
(499) 791 0403 — распространение
(499) 791 0409 — факс

Адрес в Интернете www.ekhoplanet.ru
e-mail ekho@ekhoplanet.ru

Ф.СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на _____

журнал

81745
(индекс издания)

журнал ПОэтов

(наименование издания) количество комплектов

на 2012год (по месяцам):

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____

(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____

(Фамилия, инициалы)

Дооставочная карточка

ПВ место литер на _____

журнал

81745
(индекс издания)

журнал ПОэтов

(наименование издания)

СТОИМОСТЬ	подписки	руб.	коп.	количество
	переддесовки	руб.	коп.	комплектов

на 2012год (по месяцам):

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

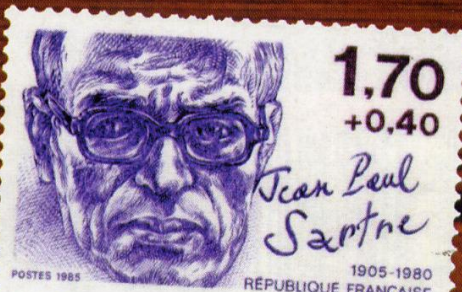
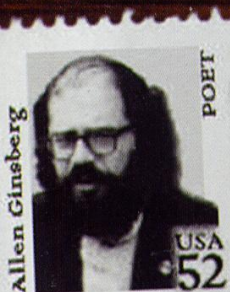
Куда _____

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому _____

(Фамилия, инициалы)

июнь ПОдарил человечеству:

- 2 июня – Маркиз де Сад, Юнна Мориц
- 3 июня – Аллен Гинзберг
- 4 июня – Аполлон Майков, Йон Деген
- 5 июня – Федерико Гарсия Лорка
- 6 июня – Александр Пушкин, Томас Манн
- 8 июня – Петр Чаадаев
- 13 июня – Григорий Перельман
- 14 июня – Владимир Солоухин
- 15 июня – Константин Бальмонт
- 19 июня – Федор Глинка, Салман Рушди
- 20 июня – Роберт Рождественский
- 21 июня – Вильгельм Кюхельбекер,
Жан-Поль Сартр,
Александр Твардовский,
Виктор Цой
- 23 июня – Анна Ахматова
- 24 июня – Анатолий Мариенгоф
- 25 июня – Арсений Тарковский
- 28 июня – Жан-Жак Руссо, Вера Инбер
- 29 июня – Антуан де Сент-Экзюпери
- 30 июня – упал Тунгусский метеорит

БИБЛИО-ГЛОБУС

55 лет

Ваш Главный Книжный

БИБЛИО-ГЛОБУС

Более 200 тыс. наименований книг

Электронные книги и ридеры

Антиквариат и предметы
коллекционирования

Фильмы, музыка, игры, софт

Канцелярские и офисные товары

VIP - обслуживание

Услуги по формированию
библиотек и коллекций

Доставка книг из-за рубежа

Читательские клубы по интересам

Подарочные карты

Интернет-магазин www.bgshop.ru

Услуги туроператора
«Библио-Глобус» www.bgooperator.ru

Билеты в театры, на концерты

Детский клуб «Библиоша»